

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский центр народного творчества»

СКАЗКИ БАБУШКИ ТАЙЯ

ISBN 978-5-9610-0319-2

9 785961 003192

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский центр народного творчества»

Нематериальное культурное наследие народов Камчатки

СКАЗКИ БАБУШКИ ТАЙЯ

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2018 год

ББК 37.248
УДК 746
Б44

Б44 Сказки бабушки Тайя: сказки и предания береговых коряков в записях А. И. Поповой / М. Е. Беляева; сост. Н. А. Воробьева – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2018. – 100 с.

ISBN 978-5-9610-0319-2

Сборник содержит 26 текстов сказок и преданий береговых коряков, предоставленных нам Анной Ивановной Поповой, 1953 г. р., жительницей с. Вывенка Олюторского р-на Камчатского края. Часть фольклорных текстов была записана ею со слов мамы, Марии Платоновны Тайя, 1924 г. р., уроженки с. Рекинники Карагинского р-на.

Сказки и предания, записанные А. И. Поповой, отличаются сохранностью традиционных сюжетов, сложностью образной системы и могут служить свидетельством особенностей бытования фольклора оседлых коряков во 2-й половине XX в. В представленных текстах отразилось переплетение самобытного фольклора береговых коряков-нымылан, авторского начала и элементов, заимствованных из иноэтнических фольклорных традиций (ительменской, чукотской, эвенской, русской).

Национальные фольклорные тексты береговых коряков-нымылан в данном сборнике представлены на русском языке в переводе А. И. Поповой.

Отдельный раздел сборника составляют авторские произведения Анны Ивановны: воспоминания, рассказы, стихи, в которых непосредственно и искренне выражены чувства простого человека, влюбленного в камчатскую природу.

Сборник иллюстрирован молодой камчатской художницей М. Филатовой. В издание также включены фотоиллюстрации.

Книга предназначена для работников культуры, фольклористов, этнографов, студентов и преподавателей камчатских вузов, учителей и всех, кто интересуется традиционной культурой народов Камчатки.

ББК 37.248
УДК 746

Фото: из архива Камчатского центра народного творчества

ISBN 978-5-9610-0319-2

© КГБУ КЦНТ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение

М. Е. Беляева Анна Ивановна Попова и ее рукописный архив: путь к созданию книги	5
Т. А. Голованева Неслучайные встречи: сотрудничество А. И. Поповой и А. А. Мальцевой	9
А. И. Попова Воспоминания о маме	11

II. Сказки и предания береговых коряков в записях А. И. Поповой

1. Как Куткыннюку обманывал	13
2. Куткыннюку в гостях у Моря	15
3. Хитрость Лисицы.....	16
4. Бурый медведь и важенка.....	19
5. Поиск счастья.....	25
6. Злая Ирирвиг'э	29
7. Инпан.....	31
8. Сватовство Илг'ақа (Бычка).....	32
9. Каменная девушка.....	34
10. Собаки	39
11. Каля.....	41
12. Рыттыгиниг'аңав'ыт	44
13. Сказ о Карагинском острове	50
14. В'алтарңав'ыт (Кривляка-Отлив)	52
15. В'ытв'ыт (Цветок)	54
16. Старая ведьма и мыши.....	59
17. Заяц и Зайчиха	63
18. Сказка-закливание (заговор)	65
19. Драка рыб (шуточная)	66

20. Медведь и человек.....	66
21. Путешествие одного острова.....	68
22. Жадный богач.....	70
23. Хитрость матери.....	71
24. Знакомство с чаем.....	72
25. Чукчи.....	73
26. Бобыль и его жена-черт.....	73

III. Авторское творчество А. И. Поповой

Рассказы

1. Убийство ястреба.....	75
2. На краю смерти (рассказ дяди Егора).....	76
3. Лето (зарисовка).....	78
4. Горы (воспоминание).....	78
5. Бесстрашный Аядыг.....	80
6. Переход без жертв.....	81
7. Одна история.....	82
8. Однажды с охоты.....	82
9. Про то, как я испугался не медведя, а комаров.....	83
10. [Без названия].....	83

Стихи

1. Солнце на 1 сентября.....	84
2. «Дождь осенний...».....	84
3. К***.....	84
4. Стихи о первой весне.....	86
5. Стих о березе, что в лесу стоит.....	87
6. Дождь.....	89
7. Ночной костер.....	90

Сведения о фольклорных текстах.....	92
Список литературы.....	93

ВВЕДЕНИЕ

Беляева Мария Евгеньевна,
зав. отделом сохранения
нематериального культурного наследия
КГБУ «Камчатский центр народного творчества»

Анна Ивановна Попова и ее рукописный архив: ПУТЬ К СОЗДАНИЮ КНИГИ

Мы продолжаем серию изданий фольклорно-этнографических материалов, собранных на севере Камчатского края во время экспедиций. Основная цель наших поездок, как и прежде, заключается в том, чтобы способствовать сохранению удивительного фольклорного богатства коренных народов полуострова.

Перед вами небольшой сборник под названием «Сказки бабушки Тайя». Тексты сказок были собраны во время очередной экспедиции Камчатского центра народного творчества в село Вывенка Олюторского района в марте 2017 года. В этом небольшом национальном поселении мы познакомились с удивительной женщиной – Анной Ивановной Поповой. Еще до поездки нам рекомендовали встретиться с ней как с человеком, знающим устное народное творчество коряков. И это действительно была очень полезная для нас встреча. Архивы нашего центра пополнились уникальными записями.

Анна Ивановна сетовала, что все материалы, которые она собирала в течение длительного времени, останутся только в ее архивах. А ей хотелось, чтобы люди знали о сказках, которые она слышала в детстве. «Хочется оставить память о маме, чтобы дети

и внуки знали сказки, которые в детстве она нам рассказывала», – говорила Анна Ивановна нам при встрече.

Еще в школьные годы Анна Ивановна начала собирать тексты сказок. Записывала их от мамы – Тайя Марии Платоновны, 1924 г. р., уроженки ныне закрытого с. Рекинники Карагинского района. Анна Ивановна вспоминала, что еще девочкой любила слушать сказки, которые мама рассказывала по вечерам, после трудового дня. Будучи школьницей, маленькая Аня начала их записывать, беспокоясь, что не сможет запомнить так много текстов.

Свои тетради, исписанные карандашом, Анна Ивановна отдала нам для расшифровки и сканирования. Записывая сказки своей мамы, со временем она начала писать сама, поэтому в сборнике также представлены и ее авторские сочинения.

В тетрадях сохранились ранние записи, написанные совсем еще детским почерком. Эти записи было особенно сложно расшифровывать: карандаш местами стерся, и нам пришлось вместе с Анной Ивановной тщательно вычитывать тексты. Совместную работу по подготовке текстов к изданию мы вели в течение 2017 и 2018 гг. Наше общение по телефону было сложным из-за плохой связи. Разбирать тексты стало намного легче, когда мы встретились с Анной Ивановной в г. Петропавловске-Камчатском.

Большую помощь в расшифровке текстов нам оказал Анатолий Сорокин, старший методист отдела организации научно-исследовательской и международной деятельности ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга». Он также знаком с Анной Ивановной лично.

Разбирая тетради, мы увидели тексты, уже расшифрованные и напечатанные. Как нам пояснила наша рассказчица, часть материалов ей помогли расшифровать и напечатать Алла Александровна Мальцева и Татьяна Александровна Голованева в июне 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском, в период их совместной работы с А. И. Поповой.

За помощью к Анне Ивановне часто обращались ученые, которые бывали в экспедициях в с. Вывенка. Большая дружба связывала Анну Ивановну с Аллой Александровной Мальцевой, ведущим научным сотрудником сектора языков коренных народов Сибири Института филологии СО РАН.

Хотелось бы несколько слов сказать об А. А. Мальцевой. С Аллой Александровной нас познакомила Т. А. Голованева в 2010 году во время их первой совместной экспедиции в г. Петропавловск-Камчатский. Наша беседа затянулась на весь день. Темы, поднятые в разговоре, волновали нас всех в равной мере. Мы много говорили об экспедициях в национальные села, о сохранности фольклора, об издательской деятельности и доступности экспедиционных материалов, о старейшинах, которых с каждым годом становится все меньше и меньше.

А. А. Мальцева не понаслышке знала жизнь в глубинке Корякского округа. В 1985 г. она окончила среднюю школу в пос. Осора Карагинского района Камчатской области, куда в начале 1980-х гг. переехала ее семья. На Камчатке она познакомилась с чукотско-камчатскими языками, ставшими не только объектом ее научной деятельности, но и одной из важнейших составляющих ее жизни. После окончания оссорской школы она поступила на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, который окончила в 1990 г. С 1990 по 1993 гг. училась в аспирантуре Института филологии СО РАН. Под руководством М. И. Черемисиной защитила кандидатскую диссертацию по морфологии глагола в алюторском языке, на котором говорят береговые коряки восточного побережья Камчатки. С 1993 г. была принята на работу в Институт филологии СО РАН, где прошла путь от младшего до ведущего научного сотрудника. В сферу научных интересов Аллы Александровны входили языки и фольклор коренных народов Камчатки, языковые контакты на северо-востоке Евразии. С 1991 г. А. А. Мальцева активно вела экспедиционную работу по сбору фольклорного и языкового материала оседлых коряков. Она поддерживала общение с носителями алюторского и корякского языков. Многие из них стали не только ее учителями и соратниками, но и искренними друзьями. С любовью и уважением Алла Александровна рассказывала нам о старейшинах, носителях традиционных знаний. Вспоминала, как помогали они ей, еще совсем молодому ученому, переводить национальные тексты, познавать особенности языка. Она и мне подсказала, с какими людьми надо встретиться, с кем можно поработать, у кого есть личные архивы, которые лежат дома не востребованные, хотя там очень ценный материал, необходимый для сохранения культурного на-

следия предков. Тогда, в 2010 г. Алла Александровна порекомендовала нам Анну Ивановну Попову как человека, хорошо знающего фольклор, традиции и обычаи коренных жителей Камчатки.

В начале июля 2018 г. Аллы Александровны Мальцевой не стало, но она всегда будет жить в памяти наших северян.

Вот так судьба связывает людей. Когда-то мы только говорили об издании сказок из архива Анны Ивановны Поповой, а сегодня эта идея воплотилась в жизнь.

Сказки бабушки Тайя объединили работников культуры и науки и жителей национальных сел единой незримой нитью. Эта нить – память о наших предках, память о людях, отдавших делу изучения традиций и культуры всю свою жизнь.

Мы благодарим Анну Ивановну за предоставленный архив, Аллу Александровну и Татьяну Александровну за предоставленные расшифрованные материалы одной тетради, Анатолия Сорокина за помощь в работе с рукописным архивом.

При подготовке рукописей А. И. Поповой к изданию был сохранен авторский стиль повествований, изменения коснулись только орфографического и пунктуационного оформления текстов.

Пояснения, заключенные в квадратные скобки, были добавлены составителями как необходимые для уточнения смысла высказываний.

В постраничных сносках приведены комментарии к алюторским и корякским словам, непереуведенным в основном тексте, а также даны комментарии к малоупотребительной русской лексике.

Имена персонажей, написанные Анной Ивановной на алюторском языке с применением специфических букв корякского алфавита, в печатном тексте маркируются курсивом.

Названия сказок и преданий, подзаголовки (предание, шуточное, рассказ охотника), а также пояснения в круглых скобках даны А. И. Поповой.

*Голованева Татьяна Александровна,
канд. филол. н., старший научный сотрудник
сектора фольклора народов Сибири и Дальнего Востока
Института филологии СО РАН*

Неслучайные встречи: сотрудничество А. И. Поповой и А. А. Мальцевой

Анна Ивановна Попова активно помогала новосибирскому лингвисту Алле Александровне Мальцевой в процессе расшифровки экспедиционных аудиозаписей на алюторском языке. После экспедиции 2006 г. Алла Александровна пригласила Анну Ивановну Попову в Новосибирск для совместной расшифровки фольклорного материала. До последнего момента было неизвестно, сможет ли Анна Ивановна приехать. Но все получилось, поездка состоялась. С экспедиционными аудиоматериалами работали дома у Аллы Александровны. В то время ее сын Женя был еще совсем маленьким. Ему было около 4-х лет. Он был очень подвижный и шустрый мальчик, конечно, Алла Александровна бегала за Женей, чтобы его чем-то занять или успокоить, как всегда бывает у мамы с маленьким ребенком. Работа останавливалась. Алла Александровна просила Анну Ивановну немножко посидеть, подождать. В эти моменты Анна Ивановна невозмутимо начинала читать фантастическую

Анна Ивановна и Алла Александровна

да Алла Александровна занималась сыночком, Анна Ивановна погружалась в чтение книги о Гарри Поттере, и на душе у Аллы Александровны было спокойно: ее гостя занята чтением, все в порядке.

Потом мы с Аллой Александровной совершенно случайно встретились с Анной Ивановной в Петропавловске-Камчатском в 2010 г. Пасмурным июньским днем мы шли по улице Бохняка, подходили к педагогическому училищу – и вдруг Анна Ивановна идет нам навстречу. Встреча была удивительной и для Анны Ивановны, и для Аллы Александровны: они обе даже не догадывались, что одновременно находятся в Петропавловске. И вот так совершенно невероятным образом они встретились на одной из городских улиц Петропавловска. Мы сразу пригласили Анну Ивановну к нам в гости, в комнату педагогического училища. Тогда-то Анна Ивановна и принесла одну из своих тетрадочек с записями. Она очень сожалела, что никак не получается опубликовать записанные сказки. Сказки из этой тетради мы набрали на компьютере и распечатали. После той встречи прошло 8 лет. И вдруг Мария Евгеньевна Беляева сообщила, что КЦНТ готовит книгу сказок Анны Ивановны Поповой. С радостью мы отправили сказки из той тетрадочки. Спасибо сотрудникам КЦНТ за воплощение мечты.

сагу «Гарри Поттер». Алла Александровна потом рассказывала, что ей было легко работать с Анной Ивановной: в рабочие моменты они предельно сосредоточенно работали с текстами, стараясь успеть перевести как можно больше, а ког-

Анна Ивановна Попова

Воспоминания о маме

Моя мама, Мария Платоновна Тайя, родилась в 1924 году в районе села Рекинники в семье оленевода. В детстве ей подарили новорожденного медвежонка и она его растила сама, везде ходила с ним, пока он не вырос, а когда вырос, медвежонка отдали другому охотнику, который посадил его на цепь, а девочка пошла в школу. Учились тогда в юрте. Медвежонок же сорвется с цепи и ищет ее. Однажды он даже пришел в класс во время урока. Когда медведь зашел в класс, маму попросили выйти, и она больше не приходила в школу, так и закончилась учеба. Маму забрали из школы домой.

Вскоре умерла ее мать и Мария осталась с маленьким братом на руках. Она стала для него и мамой, и сестрой. У брата болели ноги, были нарывы на ногах, так она собирала смолу кедрача, жевала и прикладывала к ранам, так и вылечила его. Как однажды она вылечила и меня, когда я заболела какой-то болезнью, у меня сильно раздулся живот, так она зимой ходила в лес и собирала рябину, потом делала из нее отвар и отпаивала меня. И сама я запомнила, что люди всегда обращались к ней за врачебной помощью, наверно, она обладала каким-то целительным даром.

Потом ее выдали замуж за пожилого человека, как положено по старым обычаям, но прожили они недолго, хотя за это время мама успела родить ребенка, который умер во

младенчестве. Потом она встретила моего отца, Авана Ивана Григорьевича, они полюбили друг друга и через год я родилась, а еще через год мы переехали в Олюторский район. Поселились в пойме реки Алхаваям, в землянке, которую построил отец. Отец занимался охотой, рыбалкой, мать – домом. Больше всего запомнились в детстве сказки, которые рассказывала мама летом в палатке. Она знала много сказок, поэтому герои этих сказок жили со мной в реальности, настолько они были близки мне.

Мама была мастерицей: умела хорошо выделывать шкуры, шить, вышивать бисером и цветными нитками, поэтому мы никогда не нуждались в одежде. Потом отец начал работать пастухом в колхозе имени Горького, мать работала там же чумработницей. Она так и проработала в колхозе до конца. Она поехала из села Вывенка в табун и умерла в дороге в 1985 году.

II. Сказки и предания береговых коряков в записях А. И. Поповой

1. Как Куткыннюку обманывал

Однажды Куткыннюку* пошел на косу просто так побродить. И тут его осенила мысль. Так ему хотелось веселиться. Он собирал ракушки, раковинки. И нашел один завалившийся уголек, сделал своим отцом. Посадил его на улице и приказывает:

– Ты делай полозья, потому что ты мой отец.

Наделал из ракушек юрты, а из раковинок людей, из цветных ракушек сделал стадо оленей. А сам себя сделал прекрасной девушкой. Так он живет там на косе. Юрты дымятся, люди играют в мяч, борются, стадо тут же рядом.

Амамкут**, бродя около моря, вдруг увидел целое стойбище.

– Вот это да, откуда здесь вдруг люди! – воскликнул Амамкут.

Подошел ближе, люди веселятся, играют, стадо большое рядом. Он пошел к самой большой юрте. Оттуда вышла красивая девушка и сразу затараторила:

.....
* Куткыннюку – главный герой корякских мифологических сказок. Куткыннюку – образ, соединяющий в себе черты Ворона и человека, он является предком, главой мифической семьи, основателем человеческого рода. С другой стороны, нередко в сказках Куткыннюку воплощает в себе плутовские, комические черты.

** Амамкут – старший сын Куткыннюку. В корякском фольклоре Амамкут, как правило, – удачливый охотник, достойный жених, однако Куткыннюку может подшучивать над своим сыном. Имя Амамкут не этимологизируется.

– Мэй*, Амамкут, заходи в дом, сейчас я угощу тебя чаем. Он зарделся таким лестным вниманием прекрасной девушки. Сразу согласился и вошел вместе с ней. Он так и остался у нее, никуда не уходил, а все сидел и смотрел на нее, так как она была прекрасна. Наконец Амамкут сказал:

- Я пойду домой за вещами, ты подожди меня.
- Хорошо, – последовал ответ.

Он пошел домой. Пришел и сказал своей матери Миты**:

- Миты, скорее давай мои вещи, я переезжаю.
- Куда переезжаешь?
- Там на косе живет прекрасная девушка, на ней и женюсь. Неужели тебе непонятно, видишь какая женщина!
- А ты знаешь, на ком ты хочешь жениться?
- Не знаю.
- На своем отце! Вот!
- Ничего подобного, не может такая ворона стать красавицей.
- Ну как хочешь, твое дело.

.....
* Мэй! – ‘здравствуй’ [Кибрик и др. 2000: с. 351]

** Миты – один из главных женских персонажей корякского фольклора, жена Куткыннюку. Имя Миты не этимологизируется.

Как мать не противилась, Амамкут все-таки поехал и забрал все вещи, переехал.

– Ну, вот я и привез свои вещи.

Вечером к ним пришел какой-то чукча.

– Амто*, здесь, говорят, Куткыннюку потерялся. Хочу жениться на Миты. Вы мне покажете туда дорогу?

Миты сразу воскликнула:

– Конечно, покажу дорогу! – скорей села в нарту чукчи и уехала, а Амамкут остался на месте.

Долго он ждал ее возвращения и незаметно уснул. Утром просыпается, а вокруг никого нет: ни юрты, ни оленей, ни людей, – пустая коса, вокруг валяются одни головешки, раковинки и цветные камушки. Вот так Куткыннюку повеселился, а Амамкут остался ни с чем и вернулся домой. А этим высоким переодетым чукчей оказалась Миты, жена Куткыннюку.

Самозапись А. И. Поповой

2. КУТКЫННЮКУ В ГОСТЯХ У МОРЯ

Как-то раз Куткыннюку бродил по берегу моря. Неожиданно перед ним предстал Краб. Тот лежал неподвижно и грелся на солнышке. А было время отлива. Куткыннюку стал его щекотать. Краб проснулся.

– Куткыннюку, ты чего мешаешь мне спать?

– Краб, покатай меня на спине.

– Полноте, Куткыннюку. Не мешай спать.

– А мне нравится. Я тебя буду щекотать, пока не покатаешь на спине.

Наконец надоело Крабу самодовольство Куткыннюку, и он сдался.

– Ну ладно, Куткыннюку, садись на спину.

Недолго думая Куткыннюку залез на спину. И они поехали. Долго катал его Краб, наконец, доставил к племени Моржей.

Моржи обрадовались такому почетному гостю. Усаживали на почетное место, угощали разными вкусными блюда-

.....
* Амто – «привет! (при встрече); 2) ну как?» [Молл 1960: с. 11].

ми. Но когда его накормили, подходило время подать воды, говорили ему:

– Вот стоит в углу ведро с водой.

Куткыннюку подошел к ведру, наклонился, чтобы попить, но тут же падал в другой дом. И там так же его угощали, но водой не поили, потому что Краб решил сыграть с ним злую шутку. Предупредил все племена, чтобы Куткыннюку кормили, но не поили водой. Забыл только предупредить племя Лахтаков.

Наконец Куткыннюку попал к самым бедным: к племени Лахтаков. Они тоже накормили его, но главное, напоили водой.

За это Куткыннюку одарил их богатыми подарками.

Самозапись А. И. Поповой

3. Хитрость Лисицы

Однажды Куткыннюку шел по берегу реки, пел от скуки свою воронью песню. Ему хотелось позабавиться. И видит: у воды сидит Лисица и задумчиво смотрит на другой берег реки. А вода холодная, река глубокая. Наступила весна, река вышла из берегов. [Лисица] перейти не может. Куткыннюку подошел к Лисице незаметный, взял соломинку и стал тыкать в облезлый бок Лисицы. Лисица подпрыгнула:

– Ой, больно соломинки кусаются.

А Куткыннюку это и надо. Он еще раз ткнул соломинкой.

– Ой, больно как могут соломинки кусаться.

Наконец-то догадалась, что это опять подошел Куткыннюку. Тогда Лисица засмеялась и говорит:

– Куткыннюку, это ты опять надо мной смеешься?

Но его и след простыл. Посидела еще немного у воды Лисица. Видит: на другом берегу стоит старая полуразрушенная землянка. А в темном углу светится зеленоватый свет. Лисице очень хотелось попасть на другой берег. В углу жил Плесень-старичок.

– Эй, кто там, перевезите меня на другой берег.

В ответ раздался скрипучий старческий голос:

– Нечем перевезти тебя.

– Я вижу старое разбитое корыто для толкуши, – отвечает Лисица. – А еще, если перевезешь меня, то выйду за тебя замуж.

– Весел нет.

– Я вижу, там валяются старые палки для выделки шкур.

– Нашел, теперь можно к тебе ехать.

Плесень-старичок спустил старое рассохшееся корыто в воду и поехал к новоявленной невесте. Едет и приговаривает:

– Опл-л-ла, опл-л-ла, опл-л-ла.

Наконец причалил к другому берегу. Лисица прыгнула на воду в лодку.

– Поехали, а то меня родственники заждались.

Плесень[-старичок] гребет старыми палками для выделки шкур. Гребет и приговаривает:

– Опл-л-ла, опл-л-ла, опл-л-ла.

Наконец доплыли до другого берега. Тут *Сасусаңав'ыт** соскочила с лодки, попрыгала, попрыгала, скок – и след простыл. Делать нечего, Плесень поплелся к себе в уголок, откуда вышел.

А тем временем Лисица уже шла вниз по реке. Видит: на берегу стоят палатки, это люди заготавливали себе рыбу. Стала ближе подходить, смотрит: люди много заготовили рыбы. Юкольники ломаются от сушеных юкол. На вешалах сушится юкола. Все выгребные ямы ломаются от рыб. Мужчины ловят рыбу, женщины режут рыбу. Все заняты, все счастливы.

Стала Лисица отвлекать людей, рассказывать небылицы разные. Что вот она первая вестница. Пришла первая, чтобы сказать людям, что едет за ней караван лошадей груженых разными продуктами:

– Это все для вас, так что можете не заготавливать рыбу.

Люди поверили Лисице. Пригласили ее к себе. Стали подавать разные кушанья, Лисица стала объедаться, но не забывалась: рассказывала разные истории, забавляя людей. Так прошло несколько дней. Лисица стала поправляться. Шерсть стала лосниться.

* *Сасусаңав'ыт* – женский персонаж аlyтoрскoгo фoльклoрa. Имя oбpaзoвaнo слoжeниeм двyx oснoв: *тaтyл* – ‘лиса’ [Кибрик и др. 2000: с. 392], *ңав'* – ‘жeнщинa’ [там же: с. 363]: «Сасусангавыт [=жeнщинa-лиса] {мифoлoгичeскoe имя}» [там же: с. 392].

Однажды как-то мужчина вышел проветриться. Видит, все юкольники пустые стоят, вешала тоже, потому что черви все съели. Опомнились люди. Схватили Лисицу и стали рубить на кусочки. А Лисица, какой кусочек отрежут, бежит к выходу. Когда все кусочки собрались, вильнула хвостом и убежала. При этом сказав:

– Так вам и надо, долго я вам морочила голову.

Самозапись А. И. Поповой

4. БУРЫЙ МЕДВЕДЬ И ВАЖЕНКА

Было глубокое лето, когда однажды Куткыннюку говорит своей жене Миты:

– Миты, давай не будем кормить свою дочь. Будем кормить только старыми подошвами.

– Хорошо Куткыннюку, но только что-нибудь опять случится из-за твоей выдумки. Боюсь, как бы мы с тобой опять не страдали.

Хорошо. Договорились. Заколотили высоко-высоко домик. В этом домике жила красивая девушка *Тиниг'аңав'ыт**. Она была в расцвете своих лет, еще не отданная замуж. И вот посадили ее на голодовку. Каждое утро Миты приносила дочери старые подошвы от торбазов**. Приносила и говорила:

– Ох, как мы голодаем. Ешь уж эти подошвы. Скоро, наверно, рыба будет.

Затем Миты уходила, закрыв старую дверь, чтоб дочь не вышла. Так и жила *Тиниг'аңав'ыт* из дня в день, питалась разными подошвами. Ей это уже надоело. А на улице, что было: юкольники ломались от засушенной юколы.

.....

* *Тиниг'аңав'ыт* – имя женского персонажа аlyтoрскoгo фoльклoрa, старшей дочери Куткыннюку и Миты. В традиционном фольклоре береговых коряков *Тиниг'аңав'ыт* – красавица, хорошая хозяйка, желанная невеста. В составе имени *Тиниг'аңав'ыт* этимологизируется только основа: *ңав'* – ‘жeнщинa’.

** *Торбаза* – зимняя обувь береговых и оленных коряков, сшитая из оленьих камусов, подошвы которой делали из лахтачьей или моржовой кожи [История и культура коряков 1993: с. 45]. Слово зафиксировано в словаре В. И. Даля в другом фонетическом варианте: «Торбасы» – «мягкие олени сапоги; обувь коряков и камчадалов» [Даль 1998, т.4: с. 418].

Всего было вдовольстве, как никогда. Рыбы было сколько угодно, ешь, только не лопни. А красавица питалась подошвами.

Однажды Миты принесла как всегда подошвы уже сваренные. Стала есть *Тиниг'аңав'ыт*, смотрит: икринка прилипла к подошве.

– Мама, откуда эта икра? Ты ведь говорила, что рыбы еще нет, и мы голодаем.

– Это, наверное, прошлогодняя икра, как ты не понимаешь.

– А-а-а, – только и смогла проговорить девушка.

Вечером, когда девушка сидела за шитьем, к ней стала приставать соломинка. *Тиниг'аңав'ыт* ее отбрасывает, а она все равно липнет. Тут не выдержала девушка, в сердцах проговорила:

– Что это за соломинка в такое тяжелое время мешает мне шить.

– О-о-о-о, – вдруг неожиданно появилась перед девушкой седая старуха. Это была тетя *Тиниг'аңав'ыт*, Имми.

– А, это ты, тетя.

– Да вот, слышала, что ты голодаешь, решила помочь тебе.

– А разве только я голодаю, ведь и мои родители, братья, сестры голодают!

– Вот в том-то и дело, что ты одна голодаешь, а все остальные едят, что им бог послал. Вот выйди на улицу, как там хорошо.

Обратила добрая тетя *Тиниг'аңав'ыт* в маленькую бабочку. Выпорхнула бабочка из трубы на улицу. Смотрит: и действительно, Куткыннюку с братьями ловят рыбу, а мать с сестрами сидят, рыбу режут, благо, большая семья, всем дела достаются.

– Спасибо, тетя, что прилетела. Я бы, наверное, умерла от голода. Теперь я знаю, что мне делать.

– Ну вот и хорошо, что ты узнала все и знаешь, что теперь делать. Я теперь пойду. До свидания, желаю счастливо-го пути.

– Спасибо тебе, тетя! До свидания.

И добрая тетя опять превратилась постепенно в пыль и скрылась. *Тиниг'аңав'ыт* сразу принялась за дело. Она извлекла из всех углов камусы из шкур. Стала шить кита.

Утром к ней пришла ее младшая сестра по имени *Перыт-тиниг'аңав'ыт** (Княженика). Она увидела, что сестра что-то шьет. Младшую сестру разбирало любопытство еще и оттого, что старшая сестра не взяла котел со старыми подошвами, когда занималась своим таинственным делом.

– Что ты шьешь?

– Зачем тебе знать, что я шью?

– Интересно.

– Иди-ка ты лучше, помоги своим родителям.

Но сестра не уходила. Наконец ей надоело, и она вышла. К вечеру кит уже был готов. Осталось только собрать вещи.

На берегу реки сидят двое – это Куткыннюку и Миты. Они смотрят на восход. Внизу шумела довольно-таки глубокая река. Вдруг видят: по реке плывет кит. Из спины вода бьет фонтаном. Глаза у обоих расширились от удивления: где здесь может кит родиться?

– Что-то на сердце беспокойно, словно кусочек сердца отрывают, – проговорил Куткыннюку.

А кит плывет и плывет вниз по течению. У стариков сердца беспокойны. Они провожали глазами кита, который скрылся за последним поворотом и напоследок вильнул своим хвостом.

– Неспроста все это, – подумали оба.

Куткыннюку приказал старшему своему сыну сбегать узнать: на месте ли *Тиниг'аңав'ыт*. Но ее на месте не оказалось.

Вот сидит *Тиниг'аңав'ыт* внутри кита и поет про себя песню. Вдруг в углу зашевелилась куча одежды и оттуда вылезла ее младшая сестра *Перыттиниг'аңав'ыт*.

– Ты откуда появилась, негодная девчонка? А ну, вылезай оттуда.

– Куда я пойду, да и в море мы уже.

– Ну ладно, сиди уж!

.....
* *Перыттиниг'аңав'ыт* – женский мифологический персонаж фольклора береговых коряков. Имя образовано путем присоединения к имени *Тиниг'аңав'ыт* основы слова *пэрыттырыт* ‘княженика’ [Нагаяма 2003: с. 289]. Согласно объяснению Ю. Нагаямы, слово *пэрыттын* ‘княжника’ представляет собой инкорпоративный комплекс, в который входят основы слов *рыттырыт* ‘морощка’ и *пайы* ‘трава’ [Ю. Нагаяма; частная переписка, 2018-10-17].

Так у *Тиниг'аңав'ыт* появилась спутница. Не знали сестры, что скоро расстанутся. Кит быстро плыл по морю. Они плыли неизвестно куда.

Вскоре впереди появилась земля. И на эту землю устремился кит. Он высадил своих пассажиров и сам тут же умер, превратился в ненужную вещь. Девушки покинули этого кита, который сослужил им службу.

Долго шли девушки, наконец, выбились из сил. *Тиниг'аңав'ыт* села на кочку и говорит своей сестре *Перыттиниг'аңав'ыт*:

– Сестра, ты должна примкнуть к какому-нибудь племени.

– Но я же не могу, *Тиниг'аңав'ыт*, тебя оставить здесь, в этой тундре.

– Тебе придется меня оставить!

– Но куда же я пойду?

– Это легко можно сделать. Сейчас увидишь.

Сказав эти слова, *Тиниг'аңав'ыт* возвела руки к небу и стала просить у Луны помощи:

– О, Луна, помоги нам. Я буду вам благодарна за вашу помощь. О, Луна, пришли нам шкуру молодой оленихи и бурого медведя с цепью на шее. О, Луна, отправь нам все это.

Сказав эти слова, наша красавица приникла к земле. И вдруг неожиданно Луна протянула им то, что просила *Тиниг'аңав'ыт*. Получив все, что было нужно, *Тиниг'аңав'ыт* отдала *Перыттиниг'аңав'ыт* шкуру оленихи, а себе взяла шкуру бурой медведицы с цепью на шее.

– Ну, сестра, прощаемся.

Тиниг'аңав'ыт помогла младшей сестре залезть в шкуру: и вот перед ней стройная олениха.

– Иди, моя девочка, куда захочешь. Ты ведь уже свободная Согжой-важенка. Только смотри, когда отойдешь, не оборачивайся на меня.

Олениха побежала, но, помня последние слова сестры, все же оглянулась напоследок. И что же увидела?! На месте сестры теперь стоял огромный медведь и рвался на цепи, разрывая вокруг себя землю.

Олениха изо всех сил рванулась вперед. Она, не огляды-

ваясь, бежала по тундре, только изредка останавливалась, чтобы покормиться. Постепенно наступила осень, а там и зима. Олениха не знала, куда ей идти и где искать своих сородичей. Так ходила она по тундре и ела грибы. Однажды ее подстрелил молодой охотник. Когда он подбежал, откуда-то вдруг раздался голос:

– Добрый человек, скорей разрежь мое брюхо.

Молодой охотник удивился, но исполнил эту просьбу. Каково же было его удивление, когда из брюха выскочила прекрасная девушка. Она низко опустила голову, как бы ждала приговора. Молодой охотник не мог налюбоваться красотой девушки и наконец произнес:

– Неизвестная девушка, как ты могла оказаться в брюхе оленя?

И *Перыттиниг'аңав'ыт* поведала юноше о своих странствиях по морю, по тундре. Но не сказала ни слова о своей старшей сестре. Как будто ее никогда и не было, ведь младшая сестра помнила завет *Тиниг'аңав'ыт*.

Перыттиниг'аңав'ыт стала женой молодого охотника из племени Черный камень.

Вскоре наступила холодная зима. Это была одна из тех холодных зим, которые бывают на Камчатке. Все люди из племени Черный камень полюбили красавицу *Перыттиниг'аңав'ыт*. Они любили ее за мягкий характер и доброту, но, несмотря на это, девушка всегда была тиха, грустна и печальна. Что только не делал молодой муж, чтобы развеселить свою жену. Но она оставалась грустной и только изредка улыбалась. Все это оставалось загадкой для людей племени Черный камень. И только неожиданное открытие одной старой женщины рассеяло все сомнения.

Одна старуха заметила, что *Перыттиниг'аңав'ыт* все время по вечерам выходила на улицу в одно и то же время. Один раз старуха незаметно последовала за молодой. Девушка вышла в холодную лунную ночь. Она встала на колени и протянула руки к Луне:

– Божественная Луна, скажи мне, как живет моя старшая сестра? Ничего с ней плохого не случилось ли?

Девушка услышала ответ Луны:

– Прекрасная *Перыттиниг'аңав'ыт*, твоя сестра живет хорошо.

Только услышав все это, старая женщина пошла рассказывать мужу *Перыттиниг'аңав'ыт* о разговоре с Луной.

Когда *Перыттиниг'аңав'ыт* вошла в дом, то ее муж стал расспрашивать о том, что произошло ночью. Молодой женщине пришлось рассказать все от начала и до конца.

– Ну почему ты мне раньше не рассказала? Мы бы давно ее сюда привезли.

– Мне сестра наказала никому не говорить о ней.

На следующий день все юноши и молодые мужчины стали собираться. Молодой охотник призвал всех в поход за красавицей *Тиниг'аңав'ыт*, [когда-то] пропавшей без вести, а теперь объявившейся опять. Вместе со всеми поехал и сын Кочки, обыкновенной тундровой кочки. Она снарядила своего единственного сына. Мать дала сыну оленей-мышей, нарту из ольхового кустарника, мешочек мяса и ведро величиной с наперсток. Оружие – копье из ольхового прутика, наконецник – камень. Нож тоже из ольхи с каменным лезвием. Когда юноша-Кочка подошел к остальным участникам похода, все стали смеяться над ним. Везде слышны были возгласы:

– Куда этот сопляк собрался? Разве только полпути пройдет. – При этом они хохотали.

Они не знали, что смеются над счастливым человеком.

Каждый из молодых мужчин считал себя будущим мужем недоступной *Тиниг'аңав'ыт*.

Долго длился этот изнурительный поход. Многие вернулись домой, не выдержав испытаний природы. Лишь немногие смельчаки продолжали свой путь. Вместе с ними, к удивлению многих, оставался и сын Кочки. Он кормил оставшийся отряд мясом из своего мешочка и поил водой из своего наперстка. Все удивлялись, как мог этот юноша так долго хранить мясо в своем мешочке. А олени-мышки, словно заведенные, шли без усталости. Вот они достигли конца пути. Все были изнурены, измучены душой, но не потеряли надежду. И вот эти люди собрались, чтобы попытаться свое счастье. А «счастье» стояло недалеко от них и, злобно рыча, разрывало вокруг себя землю. Начали бросать жребий, кому

первому достанется право бросить свое заостренное копье в медведицу.

Жребий выпал мужу *Перыттиниг'аңав'ыт*. Он приготовился, изловчился и бросил копье. Все ждали результата. Но что это? Копье разлетелось на куски, как будто встретило преграду. То же самое происходило и с копьями других охотников. Но вот дошла очередь и до сына Кочки. И опять посыпались смешки, остроты.

Удивление, смятение и восторг. Это наш герой – сын Кочки – одним ударом копья поразил медведицу, и теперь она лежала у его ног. Осталось вскрыть брюхо. Опять жребий достался мужу *Перыттиниг'аңав'ыт*. Он подошел, но нож его затупился, пришлось уступить место другому охотнику. Но и у другого, и у следующих ножи сплющивались или затуплялись. Вот дошла очередь и до сына Кочки. Он смело подошел к задыхающейся медведице и вспорол брюхо. Оттуда выскочила необычайной красоты девушка. Она поблагодарила своего спасителя и попросила его скорее ехать домой. Сын Кочки аккуратно завернул свою красавицу и посадил на нарту. Только успел крикнуть своим мышам, как они понеслись с ветерком. Вскоре приехали домой. Старая Кочка была рада счастью своего сына и красавицы *Тиниг'аңав'ыт*.

Так была спасена девушка *Тиниг'аңав'ыт* бедным юношей, сыном старой Кочки. Пришло время им уезжать, отвезить девушку к родителям. Сын старой Кочки запряг оленей, дали им целый караван оленей, они сели и поехали. Так и закончилась эта сказка.

1 марта 1970 г.

Самозапись А. И. Поповой

Б. Поиск счастья

Растила в доме Имми своего сына. Не выносила на улицу. Так он рос, не видя белого света. Когда он (*Амнуңигын**) вырос, всегда спрашивал:

– Имми, так хочется увидеть белый свет, какой он из себя?

– Смотри, вот он, – и показывала на дом.

.....
* *Амнуңигын* – мужской персонаж фольклора береговых коряков. Имя не этимологизируется.

Вот сын стал уже юношей, а белого света так и не увидел. Однажды его терпение лопнуло, и он сказал:

– Имми, давай я поищу вшей в твоей голове, поскребу в волосах.

– Ну что ж!

Как только она легла, и Амнуңигын стал искать, Имми уснула. Юноша сразу выскочил на улицу. И только в первый раз он увидел мир: солнце, небо, траву, цветы, вообще, все, чего ему не хватало.

Амнуңигын купался в траве, прыгал. Так понемногу ушел он от своего дома. Так, бродя без цели, он вдруг увидел полуразрушенное жилище. Здесь недавно был пожар. Пошел Амнуңигын, дальше и увидел череп человека. В черепе увидел красивую девушку:

– Здравствуй, девушка. Я хочу жениться на тебе.

– Нет, этого делать нельзя. Я – твоя двоюродная сестра.

– Все равно. Ты, наверное, обманываешь.

– Нет, не обманываю.

– Тогда пойду, спрошу у Имми, она все знает.

Быстро Амнуңигын побежал домой. Пришел, а там Имми сидит, сердитая.

– Имми, правда, что Тиниг'аңав'ыт – моя двоюродная сестра?

– Не знаю, – последовал ответ.

Амнуңигын побежал обратно к девушке:

– Ты, оказывается, обманывала меня. Я женюсь на тебе.

– Не женись на мне, плохо будет тебе в дальнейшем.

– Ничего.

Через некоторое время Амнуңигын привез свою красавицу-жену домой. Имми его встретила словами:

– И не стыдно тебе жениться на двоюродной сестре!

– Но ты же сказала, что не знаешь.

Так Тиниг'аңав'ыт стала жить у своей тети Имми. Каждый день Амнуңигын ездил на охоту. И каждый день Тиниг'аңав'ыт встречала своего мужа, двоюродного брата. Снимает с оленей упряжь и отводит их в стадо. Так каждый день.

Однажды Амнуңигын уже вечером ехал домой. У дороги он увидел двух женщин. Одна из них говорит:

– Вот, смотрите, едет Амнуңигын, сейчас он придет домой, жена-двоюродная сестра встретит его, снимет с оленей упряжь, а он и не знает, что другие в неволе живут.

Амнуңигын вернулся домой, встретила его жена, хотела снять с оленей упряжь, но Амнуңигын держал поводья:

– Больше ты меня не встречай. Я сам буду отводить оленей. На следующий день он сказал Тиниг'аңав'ыт:

– Тиниг'аңав'ыт, приготовь в дорогу пищу.

– Хорошо, принеси желудок сельди и два стада оленей.

И Амнуңигын привел два стада, всех забил, и только тогда Тиниг'аңав'ыт сказала:

– Хватит!

На следующий день Амнуңигын собрался в дорогу. Едет в пургу.

Остановился, привязал оленей, а сам сел на нарту. Видит, женщина зовет его:

– Мужчина, заходи.

Ничего не сказал Амнуңигын, дальше поехал. Едет опять, снова сильная пурга. Остановился, привязал оленей, а сам сел на нарту. Смотрит, опять та же женщина:

– Эй, мужчина, заходи, накормлю.

– Что за чертова баба, – только произнес эти слова Амнуңигын, как женщина пропала.

Поехал Амнуңигын дальше. Снова сильная пурга. Опять остановился, привязал оленей, а сам сел на нарту. Видит: женщина играет на бубне, красивая. Смотрит Амнуңигын на нее, а она играет. Он тогда своим хлыстом зацепил бубен. Кто-то ей сказал:

– Прекрати играть!

– Не могу я.

– А что же случилось? – раздавался все тот же голос.

– С улицы кто-то держит мой бубен.

– Приглашай же его в дом.

– Эй, человек, заходи.

Амнуңигын зашел. Его пригласили поесть. Когда закончили есть, давешняя женщина стала напутствовать в дорогу:

– Отсюда поедешь, дойдешь до дома. На улице увидишь женщину, которая рубит дрова. Ты сам наруби, сходи за водой. Она тебя дальше снарядит в дорогу.

– Спасибо, милая девушка, за совет.

Поехал *Амнуңигын* дальше. Поземка. Наконец, вдали показался домик, у его входа рубит дрова женщина.

– Девушка, давайте я нарублю дрова.

Как только нарубил, сложил в доме аккуратно. Взял ведра и пошел за водой. Принес.

– Спасибо, юноша, за помощь. Пойдем в дом, поешь перед дорогой.

Вошли в дом. Девушка угостила *Амнуңигына*, потом стала объяснять, что ему дальше делать.

– Поедешь отсюда к своим родителям, – удивился *Амнуңигын*. – Там будет у тебя отец и мачеха. Мачеха тебе все расскажет. Ну а я дам тебе маску тюленя.

Она вытащила откуда-то мешочек, там была маска. Поехал [*Амнуңигын*] дальше. Увидел дом. Заехал. Оказалось, что там живут его родители. Угостили [его], поели. Пришло время спать. Отец *Амнуңигына* вышел на улицу. Мачеха *Амнуңигына* торопливо зашептала ему:

– Я тебе постелю отдельно, но ты скажи отцу: «Столько лет с тобой не виделся, хочу с тобой спать вместе». Я буду нарочно ругаться. И отец, наверно, будет говорить «нельзя». Перед сном скажи отцу, что заберешь сестру.

Зашел отец *Амнуңигына*:

– Мать, где постелила сыну?

– Вон, отдельно.

– Отец, мы столько с тобой были в разлуке, и спать отдельно! Я ведь тебя никогда не видел.

А мачеха заливалась:

– Ах ты, негодный мальчишка, где-то жил и только приехал. А теперь хочет к отцу лечь.

– Ну ладно, ложись со мной, – пожалел его отец.

Когда уже вместе легли, *Амнуңигын* говорит отцу:

– Отец, когда я поеду, то возьму сестру с собой!

– Негодный мальчишка, на погибель сестру берешь! Не отдам! – залилась мачеха.

– Ну, ладно, поезжайте, – сказал отец.

Через некоторое время отец уснул. И увидел *Амнуңигын* на спине отца большую дорогу и по этой дороге им надо

ехать с сестрой:

– Скорей, сестра, собирайся. Мать, собирай в дорогу.

Они поехали по спине отца. Когда стали подходить, *Амнуңигын* переоделся в ласты и тюленью шкуру. Впереди посадил сестру, и они поехали. Вскоре стали раздаваться тяжелые шаги: бум, бум, бум. И показался огромный человек, живот которого волочился.

– Кто смог прийти на мою землю! – пророкотал голос.

– Сейчас я вас проглочу!

– Ну, что ж, я давно готов! – смело воскликнул, *Амнуңигын*.

Не говоря ни слова, Хозяин-Конечности-Земли проглотил обоих вместе с оленями. И оказались они в какой-то земле: чьи-то юрты стоят и вокруг играют в мяч люди. Это, оказывается, племя Куткыннюку. Когда-то давно их проглотил Хозяин. И вот пришло их освобождение.

– Скорее разводите костер. Поедем домой, – командовал *Амнуңигын*.

Костер запылал. Принялись прыгать по одному в костер. Племя Куткыннюку оказалось на своем старом месте. А *Амнуңигын* [поехал] по старой дороге. Заглянул ко всем, кто ему помогал. Оказывается, дорога хорошая. Приехал домой, отодвинул гору, и вышла оттуда *Тиниг'аңав'ыт*.

Все радовалась этому.

Записано А. И. Поповой со слов мамы,

Тайя Марии Платоновны,

перевод с алыторского А. И. Поповой

6. Злая Ирирвиг'э

Как-то Амамкут женился на *Ирирвиг'э**. Вскоре у них родилась дочь-красавица. *Ирирвиг'э* сразу ее спрятала в банку и отнесла своей матери. Та держала ее у себя, никуда не пускала, потому что *Ирирвиг'э* сказала:

– Никуда ее не отпускай.

.....
* *Ирирвиг'э* – женский мифологический персонаж фольклора береговых коряков, как правило, жена Амамкута. Имя образовано сложением двух основ. Основная *ирир* – возможно, восходит к глаголу *иритык* ‘зреть (об орехах)’ [Нагаяма 2003: с. 260]; *виг'ай* – ‘трава, травинка’ [Кибрик и др. 2000: с. 421]

В это время у *Имми* рос сын *Амнуңигын*. Когда он вырос, то часто бродил по тундре один.

Когда выросла красавица, она тайно выходила из банки и гуляла. Однажды гуляя, она встретила молодого *Амнуңигына* (сына *Имми*). С тех пор, как только уснет бабушка, красавица идет на свидание с юношей. Однажды *Амнуңигын* говорит:

– Ты согласна стать моей женой? Я не обещаю тебе ничего хорошего.

– Да, я согласна, но у меня мать злая. Она может воспротивиться нашей любви.

Пришла красавица домой, а там мать ругает бабушку:

– Где [моя] дочь, куда ты ее дела?

Бедная женщина от испуга не могла опомниться. Увидев свою дочь, *Иривиг'э* сразу ее спрятала в банку, забрала обеих домой. По дороге все время ругалась. А когда пришли, то свою бедную мать затоптала в снег, а дочь положила себе под подушку. На следующий день поехала к стойбищу Диких оленей. Взяла свою дочь. Приехала. Вошла. Не церемонясь, подошла к молодому парню и сказала:

– Вот тебе невеста, бери ее, – посмотрела, а там и нет ее следа.

Тогда она нашла другой выход. Взяла с собой юношу, повезла к себе домой. Привезла его и сказала всем:

– Вот жених моей дочери.

Так говорила каждый вечер. Как-то вечером красавица отозвала в сторону своего отца *Амамкута*:

– Отец, надо унять мать, а то она совсем с ума сошла. Только ты сможешь спасти меня.

– Как я смогу помочь тебе, дочь моя?

– Очень просто, ты иди, поухаживай за старшей сестрой *Амнуңигына*.

Ты же знаешь, я люблю *Амнуңигына* и поэтому помоги мне.

Каждый день теперь *Амамкут* стал пропадать у соседей, даже *Иривиг'э* забеспокоилась:

– Что же это? *Амамкут* перестал домой заглядывать.

Люди ей отвечают:

– Да он, наверное, хочет жениться.

– Что? Жениться? Да я ему сейчас покажу!

Но потом стала думать, что ругательством не всегда можешь. Начала так:

– Эй, юноша, поезжай домой, нечего тебе тут делать.

Пошла на улицу, поискала в снегу свою мать, оживила.

– Мать, иди домой. Сейчас я тебя накормлю.

– Миты, Куткыннюку, скажите: пусть *Амамкут* идет домой, я больше не буду свою дочь насильно выдавать замуж. Пусть выходит за *Амнуңигына*.

Все зажили счастливо. *Иривиг'э* поняла, что значит понимать человеческую душу.

Записано А. И. Поповой со слов мамы,

Тайя Мариш Платоновны,

перевод с якутского А. И. Поповой

7. Инпан

Жил человек *Инпан*. Он жил со своей женой на берегу реки в землянке. Недалеко от них жили оленеводы. *Инпан* узнал, что у них болеет мальчик.

– Пойду-ка я в гости к ним, – сказал *Инпан* своей жене.

Наскоро собрался и поехал. Едет по реке и набирает камни. Вскоре дорога довела его до старого жилья. Остановился *Инпан* передохнуть. Пошел, открыл дверь и увидел: на каждой сучке сидят вороны, нахохлившись. *Инпан* сразу снял кухлянку и положил туда всех ворон. Поехал дальше. Видит: стадо пасется. Подошел ближе, стал ходить вокруг. Отделил двух красивых оленей, поехал к стану. Приехал, тут, конечно, угощать его стали. Вечером ему предложили поиграть на бубне. Такой есть обычай: гость вечером играет на бубне. Так и на этот раз:

Хорошо, сейчас начну играть. Только потушите жирники. Потушили. Стал играть. Половину игры отыграв, сказал:

– Пойду по нужде.

Вышел, оказывается, принес то, что собрал в дороге. Все это положил около себя и начал опять играть на бубне. Тут начал сильно играть, а сам вытряхнул из кухлянки ворон и стал

швырять камнями в спящих. Вороны каркают от испуга, бубен играет, человек кричит. Одному Инпан попал прямо в голову. Тот сразу юркнул в постель. Когда закончил играть, зажгли жирник. И что же вы думаете! Вороны летают по дому, везде сидят, лезут на стены от испуга. А Инпан спокойно говорит:

– Вы не удивляйтесь. Это мои духи. Их надо вывести.

Послушные хозяева вывели ворон и выбросили камни. На следующее утро была хорошая погода, мальчик стал выздоравливать. Убили двух оленей.

Таким могущественным шаманом был Инпан.

*Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Мариин Платоновны,
перевод с аляutorского А. И. Поповой*

8. Сватовство Илг'ақа (Бычка)

Однажды Илг'ақ* (Бычок) и Навага, прослышав о небесной красоте дочери Дикого Согжоя, решили посвататься [к ней]. Немного думая отправились вдвоем к селению, где жил Дикий Согжой. Дорога вела вдоль реки к горам, которые синели вдали, одетые в белые шапки. Пришли уже к вечеру, когда солнце садилось за горизонт.

* Илг'ақ – «бычок (общее название для любых видов морских бычков)» [Нагая-ма 2017: с. 91]

Приняли их радушно, посадили за стол, угощали всем тем, чем одарила их тундра за лето. Подавали ягоды, орехи, коренья. Вот, наконец, трапеза закончилась, и гостей попросили сыграть на бубне. Таков обычай.

– Навага, сыграй на бубне, – попросил его Бычок.

– Не хочу играть, ты играй!

– Делать нечего, я буду играть.

Бычок взял бубен и поет:

*– У Бычка красивая и широкая грудь,
В собачьих штанах скользит по льду.
Звонкоголосые птички летят по поднебесью.
Дочь Дикого Согжоя, погаси свечу.*

Девушка погасила свечу. Бычок, недолго думая, проглотил девушку вместе со свечой и ее шитьем. Когда потух свет, никто не заметил, что исчезла девушка. А Илг'ақ (Бычок) преспокойненько пошел домой. Шел, шел, решил передохнуть. Уснул глубоко. Наступило утро. Солнце с новой силой стало припекать, а заодно сушить жабры у Илг'ақа. От жары у него распахнулись жабры так, что можно было видеть, что творится внутри желудка.

В это время рано утром собрался на охоту Амамкут, сын Куткынняку. Ходил целый день, ничего не подстрелил. Солнце печет, решил попить воды. Смотрит: возле куста Илг'ақ (Бычок). От жары у него распахнулись жабры. [Амамкут] смотрит, в желудке у Бычка сидит девушка и шьет. Амамкут, недолго думая, проглотил ее. И тут же преспокойненько дальше [отправился] отхотиться, охотился недалеко от Илг'ақа.

Немного погодя проснулся Илг'ақ. Видит, невдалеке охотится Амамкут. Решил похвастаться перед ним своим преобразованием.

– Амамкут, давай померяемся силой своего желудка.

И вот они стали мериться силой. Первый начал Илг'ақ, так как это была его идея. Вначале у него вылезла свечка, затем шитье. Илг'ақ говорит:

– Это еще не главное!

Выдавливает из себя [еще что-то], так ничего и не выдал. Потом только пена пошла.

– Амамкут, теперь ты.

Амамкут только [чуть] потужился, как у него выскочила прекрасная девушка из желудка. Он сразу взял ее в жены.

А Илг'ак не солоно хлебавши пошел к себе домой, проклиная себя за нерасторопность.

А счастливый Амамкут повел свою молодую прекрасную жену домой.

Самозапись А. И. Поповой.

9. Каменная девушка

Как-то Куткыннюку переоделся в свою воронью кухлянку и полетел куда глаза глядят. Увидел большое озеро, а в середине кол стоит. Сел там и начал постукивать своим клювом. Вдруг откуда-то появилась Каменная девушка.

– Эй, Куткыннюку, что ты тут постукиваешь? Заходи, коль пришел.

– Эх, извините, не знал, что тут люди.

Но Куткыннюку последовал вслед за Каменной девушкой. Девушка сразу поставила на стол самую вкусную еду.

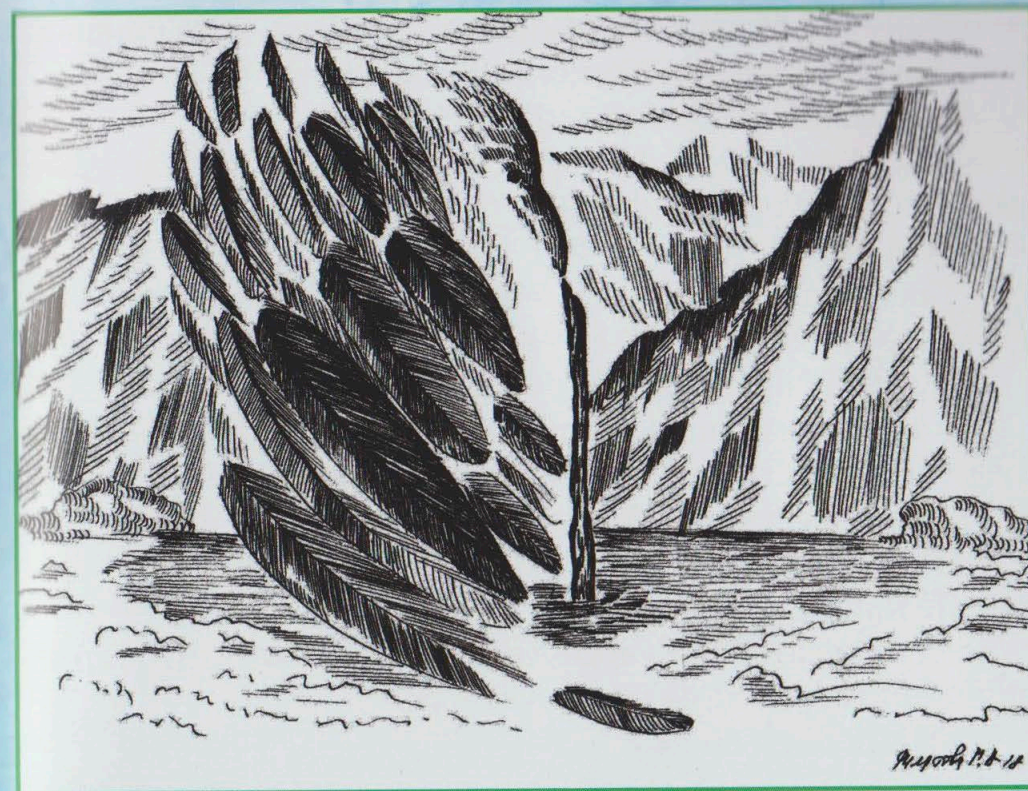
– Куткыннюку, ночуй у меня. Завтра засветло пойдешь домой.

– Хорошо, – последовал ответ.

Постелила самыми мягкими шкурами постель. Когда Куткыннюку улегся, девушка посидела немного, потом скинула свое каменное одеяние. Увидев ее, Куткыннюку аж крикнул.

– Куткыннюку, ты не спишь? – осторожно спросила девушка. Куткыннюку не ответил. Он тайком подглядывал за ней, такой она была красивой. Подумала девушка, что Куткыннюку спит. Начала работать. А утром проснулся Куткыннюку, а девушка уже в безобразном каменном одеянии.

Снарядила в дорогу старика, дала всякой еды в дорогу, и Куткыннюку уехал. Приехал домой. Все удивляются, откуда у него все. Задают вопросы, а он только ухмыляется. Потом говорит:

– Амамкут, иди сюда, я тебе что-то расскажу.

– Не хочу. От тебя вороньим духом пахнет.

– Ну, не хочешь и не надо. Иди сюда, Сисисг'ын*, я тебе про девушку расскажу.

– Давай мне, Куткыннюку, расскажи, – заинтересовался Амамкут.

И Куткыннюку начал:

– Там есть озеро, а в озере кол стоит. Ты на кол сядь и постукивай. Девушка выйдет, пригласит, ты иди, а там поступай по своему усмотрению. Надень мою воронью кухлянку.

– Зачем она мне нужна. От нее вороний дух идет.

– Как хочешь. Да только девушка тебя без нее не пустит.

– Ну, ладно, надену.

Наскоро собрался и полетел. Прилетел к озеру, сел на кол и стал постукивать. Вышла безобразная Каменная девушка и крикнула:

* Сисисг'ын – мужской персонаж фольклора береговых коряков. Сисисг'ын, как правило, является отрицательным героем, выступает в роли соперника Амамкута. Имя не этимологизируется. Возможно, этимология имени Сисисг'ын связана с глаголом сиссыңатык – 'издеваться над кем-нибудь' [Кибрик и др. 2000: с. 386].

- Амамкут, ты чего постукиваешь? Заходи, коль пришел.
- Какой я тебе Амамкут, я же Куткынняку?
- Все равно, я тебя знаю.

Вошел Амамкут в дом, он был расположен в глубине озера. Подала все острое на стол.

- М-м-м!
- Такой молодой, а зубы уже больные.
- Я же старый.
- Ну, уж не притворяйся.

Настало время спать. Каменная девушка постелила Амамкуту самые жесткие шкуры, которые нашлись в доме. Амамкут только лег:

- Ой, ой, ой, как мне жестко спать.
- Не притворяйся, я знаю, ты Амамкут!

Нечего делать, пришлось Амамкуту признать, что его узнали. Притворился, будто уснул.

- Амамкут, ты спишь?

Амамкут не отзывается. Девушка подумала, что он точно уснул. Сняла свое одеяние. И Амамкут увидел прекрасную девушку. И сразу же бросился на нее и женился. И у них родился ребенок. Назвали его *Ақатыню**.

Пришло время Амамкуту увозить свою молодую жену домой. У них уже был сын *Ақатыню*. Снарядили родители Каменной девушки молодых в дорогу. Отдали половину стада, караван, повозку, приданое Каменной девушки. На прощание мать Каменной девушки сказала:

- Оставь свое одеяние дома.
- Нет, возьму с собой. Ничего не сделается.

Приехали домой. Народ весь высыпал на улицу: ведь приехал Амамкут со своей легендарной Каменной девушкой. Открыли кибитку. Сидит там девушка в каменном одеянии, и камни искрятся. Люди разочарованные отошли от кибитки. Тут и сестра Амамкута, красавица *Тиниг'аңав'ыт*. Подошла мать Амамкута, взяла за руку девушку и повела в дом.

.....
* *Ақатыню* – мужской персонаж мифологического фольклора береговых коряков. В сказках *Ақатыню*, как правило, является сыном Амамкута, внуком Куткынняку. Имя *Ақатыню* восходит к качественной основе *г'ақа* – с общим значением 'плохой', ср. в кор. яз.: *г'ақагыңын* '1) опасность; 2) несчастье' [Молл 1960: с. 27]. Такое имя могло выполнять функцию оберега для ребенка.

Так Каменная девушка не снимала никогда свое одеяние. И от этого становилось скучно. Так целый год прожила у них Каменная девушка. Как-то поехали мужчины из племени Куткынняку на несколько дней в море, поохотиться. Им надо было заготовить жир на зиму. Дома остались только женщины. И вот они решили посмотреть на Каменную девушку. Очень им было любопытно: два года прожила девушка у них и ни разу не снимала своего одеяния. Они решили сделать так: напоить ее мухомором. Когда уехали мужчины, то все женщины собрались и сказали:

- Мы сейчас будем есть мухоморы, а ты?
- Если вы все будете есть мухоморы, то и я тоже.

Все ели понемногу, а Каменной девушке давали побольше. Так и давали до тех пор, пока она не уснула. Как только она уснула, то ее каменное одеяние вскрылось. Все подбежали к ней. Что же они увидели? Внутри каменного одеяния лежала обычная, небольшого роста, красивая девушка и спала спокойным сном. Все в молчании отошли от нее. Когда девушка проснулась, то ее каменное одеяние ей сказала:

- Тебя напоили мухомором только затем, чтобы посмотреть.

Девушка сразу рассердилась. Оскорбленная, она собрала свои вещи в небольшой мешок, взяла сына и ушла. Как ни упрашивали ее, она не захотела оставаться:

- Оскорбили меня, ноги моей здесь больше не будет.

Пришла к озеру и плюхнулась вместе с сыном в воду. Мать ее встретила упреками:

- Почему ты ушла? Где ты еще такого найдешь?
- А зачем они меня оскорбили? Я им ничего плохого не делала.

- Я же говорила тебе: не бери каменное одеяние.

Так Каменная девушка снова стала жить дома.

Мужчины из племени Куткынняку вернулись домой. Посмотрел Амамкут на встречавших женщин: нет среди них Каменной девушки. Сразу к сестре обратился:

- *Тиниг'аңав'ыт*, где моя жена?
- Ушла домой.
- Почему ушла? Что случилось?
- Мы хотели посмотреть на нее.

– Что же вы наделали.

– Так мы не хотели ничего плохого, просто интересно было посмотреть.

Ничего не ответил Амамкут. Ушел к тому озеру, где впервые встретил Каменную девушку. Там сел. Ждал, ждал. Посмотрел, а там нет уже кола. Ведь девушка вышла замуж – кол не нужен. А у нашего народа есть такой обычай: хочешь заслужить уважение родителей девушки, носи воду, руби дрова. Стал Амамкут носить дрова в озеро. Что принесет, бросает в озеро. Никто не выходит оттуда. Так носил, носил дрова, что озеро чуть из берегов не вышло. Никто не выходит. Исхудал Амамкут дальше некуда. Таскает дрова, а никто из озера не выходит. Как-то лег Амамкут отдохнуть. Вдруг к нему стала приставать соломинка. Снимет [ее Амамкут], выбросит. Когда в третий раз пристала соломинка, Амамкут разорвал ее на части и сказал:

– Зачем еще ко мне соломинка пристаёт в такое время.

– О-о-о, племяннику пришла помочь, а он не хочет меня видеть.

– Что же ты, тетя, так приходишь ко мне. Приходила бы прямо.

– Услышала я, что жена от тебя ушла. Вот и на помощь пришла. Ну, зачем ты носишь столько дров? Возьми одну [хворостину], привяжи соломинкой и брось в озеро. Вот и весь разговор.

Поблагодарил Амамкут добрую тетю Имми. Подарил свою *итг'ын* (кухлянку). Скорей побежал в лес, снял одну хворостину, привязал соломинку и бросил в озеро. И вмиг оттуда вышла прекрасная Каменная девушка.

– Амамкут, что же ты стоишь. Заходи.

– Зашел Амамкут в дом. Стал пока отдыхать: копить силы.

Пришло время уезжать. Мать говорит дочери:

– Оставь свое одеяние.

– Хорошо, мама, оставляю.

И только теперь уехала счастливая.

И только теперь зажили счастливо.

*Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Мариин Платоновны,
перевод с аляutorского А. И. Поповой*

10. Собаки

Однажды Куткыннюку говорит:

– Давайте поедem в море, поохотимся.

Вся семья поехала к морю. Дома остались только собаки. Как только хозяева уехали, Старая собака сказала:

– Ну, дети, давайте будем праздновать.

Они вытащили одежды и пузырьки с жиром. Надели хозяйские кухлянки и стали праздновать праздник нерпы Ололо. Все извозились в жиру. Только одна маленькая собачка не приняла участие в этом празднике. Ее все гоняли и не разрешали ей заходить в дом.

В разгар праздника Ололо приехало семейство Куткыннюку. Маленькая собачка, как только увидела своих хозяев, побежала навстречу. По дороге рассказала хозяевам о празднике своих сородичей. Хозяева подошли незамеченные. Амамкут взял копье и поднялся наверх, так как входное отверстие было в верхней части дома. Амамкут посмотрел внутрь и увидел Старую собаку, которая как раз стояла посередине и танцевала. Амамкут сверху прямо в нее бросил копье. Копье только ранило Старую собаку в брюхо. Собаки с воем и визгом разбежались в разные стороны.

Так ночью ушла семья собак. Отойдя от стойбища, они построили себе землянку. Осенью Амамкут со своей женой и их сын пошли искать своих собак. Долго искали и, наконец, нашли землянку. Там хозяйничала старая седая женщина. У этой женщины было много сыновей и дочерей. Все они были шумные, и все время ссорились и дрались. Амамкут тихонько сказал своей жене:

– Вот наши собаки.

В это время седая женщина учила своих детей:

– Ночью, когда я буду греться у костра, спросите меня: «Что это у тебя, мать, за шрамы?» И когда гости уснут, мы их убьем. Я дам сигнал.

Вечером старая женщина стала греться. Вечером один из ее сыновей спросил:

– Мать, откуда это у тебя шрамы?

– Это, сын, когда я была еще девушкой, меня ранили.

Ночью, когда все уснули, Амамкут и его жена, набили свои кухлянки соломой и ушли. Ночью проснулась Старая собака и крикнула:

– Нападайте, дети!

И дети бросились на соломенные чучела. Раздалось только шуршание соломы.

Так ушла ночью семья Амамкута. Ночью они набрали на дом старой ведьмы.

– Что делать? – Спросила жена Амамкута.

– Мы их перехитрим. Скажи им, что ты их дочь.

Постучали в дом.

– Тут люди пришли. Сейчас будет хороший ужин.

А в это время с улицы доносилось:

– Мать, это я пришла к тебе в гости.

– *Камакняку**, может, и правда моя дочь?

– Не знаю, может быть. Ты ведь любишь ходить все время везде. Может быть, – заключил *Камакняку*, муж старой ведьмы.

С улицы доносилось:

– Я вышла замуж за человека и у меня уже есть сын.

– Ну, что ж, заходи, моя дочь, – сказала старая ведьма, поверив.

Как только вошли трое, ведьма сразу взяла мальчика и приговаривает:

– Ах, ты мой хороший, милый внучек.

– Чем же я вас буду кормить, дети мои?

– Меня – тем, что сами едите, а моего мужа – оленьим мясом.

Ведьма стала хлопотать по хозяйству. Сварила еду в разных котлах: человеческое мясо и оленьё. Подала. Жена Амамкута тайно сделала ямку и складывала туда мясо. А сама потихоньку брала у мужа оленьё мясо. На следующее утро они стали собираться в дорогу. Ведьма плакала:

– Ах, бедный мой внук, что же тебе в дорогу дать.

И дала ему огромного пса. Ушли ее дорогие гости. Перешли широкую реку. Амамкут взял собаку, завязал ей язык

* *Камакняку* – мужской персонаж мифологического фольклора береговых коряков. Слово *Камакняку* образовано путем присоединения суффикса – *няку* – со значением ‘предмет большого размера’ [Жукова 1972: с. 78] к основе слова *камак* ‘жук; сказочное существо (чаще с рогами)’ [Нагаяма 2003: с. 265].

и избил ее. Она сразу побежала домой. Как только увидела ведьма собаку, сразу заплакала, запричитала:

– И-и-и, *Кигигьсг’ын** утонул... Но почему собака не разговаривает?

Посмотрела старая ведьма, а у собаки язык привязан. Она сразу рассвирепела:

– Ах вы, негодяи, обманули меня!

Еще и муж, *Камакняку* из угла поддразнивает:

– Так тебе и надо. Не будешь верить всяким присказкам.

Ничего не поделаешь. Ведьма потом успокоилась.

Амамкут вернулся домой, наварил супа, два огромных котла с дом величиной. Приготовив суп, Амамкут с женой в два голоса стали кликать своих псов:

– Сос, сос, сос, сос!

Примчались собаки. Тут же, на улице были поставлены деревянные миски с супом и собаки сразу принялись за еду. Кончили есть.

Амамкут их всех убил.

Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Марии Платоновны,
перевод с алюторского А. И. Поповой

11. Каля

Как-то Амамкут женился на прекрасной девушке. Свою жену Амамкут привел домой, и зажили счастливо. Скоро у них родилась дочь по имени *Каля***. Недолго длилось счастье.

Давно, еще когда первый раз Амамкут привел свою жену в свое родовое племя, в нее был влюблен *Сисисг’ын*. Ему очень захотелось иметь такую жену как она [жена Амамкута]. И он затаил злобу против своего двоюродного брата. Как-то раз *Сисисг’ын* говорит Амамкуту:

* *Кигигьсг’ын* – мужской персонаж мифологического фольклора береговых коряков. Имя образовано путем парисоединения суффикса атрибутива – *сг’* – к основе существительного *кигигьн* – ‘гром’ [Нагаяма 2003: с. 266].

** *Каля* – женское имя. Этимология имени не является прозрачной. Возможно, имя *Каля* восходит к основе слова *калал’ын* – ‘внутренние органы, здоровье’ [Нагаяма 2003: с. 284]. С другой стороны, происхождение имени *Каля* может быть связано со словом *кала* ‘злой дух’.

Амамкут, пойдем завтра на рыбалку, я покажу тебе места, где много водится гольцов.

Утром следующего дня Амамкут стал собираться в дорогу. Собираясь в дорогу, муж говорит жене:

– Не плачь, все будет хорошо. Вот тебе *пиняк**. Повесь на стенку. Если увидишь, что пошла кровь, значит, я убит или еще что-нибудь случилось со мной. Только расти дочь смелой и отважной. И чтобы не боялась трудностей.

В дом заходит *Сисисг'ын*.

– Ну что, Амамкут, собрался. Пойдем рыбу ловить.

Коротким было прощание с женой. Амамкут и *Сисисг'ын* отправились в путь. По дороге они проходили вдоль реки, где решили поймать рыбу. Амамкут начал было ловить рыбу, а *Сисисг'ын* незаметно подкрался к нему и толкнул его в воду. Побежал к дому и закричал жене:

– Амамкут утонул! Теперь ты будешь моей женой!

В это же самое время, когда Амамкут начал тонуть, он попал в племя Гольцов. Они радушно его встретили, накормили и напоили его, потому [что] им прекрасно было известно, что перед ними сын Создателя. Затем они подняли его наверх и тем самым спасли Амакута. Как ни в чем не бывало, он вернулся домой. С тем *пиняком*, который висел на стенке, ничего не происходило, никакой капли крови на нем было, поэтому жена знала, что с Амакутом ничего не случилось. Она спокойно встретила *Сисисг'ына*:

– Я никуда не пойду, с Амамкутом все в порядке.

Через некоторое [время] вернулся сам Амамкут. Стали так же обычно продолжать жить. Но *Сисисг'ын* все не унимался, все думал, что же еще можно сделать. Наконец, он нашел медвежью берлогу.

– Пойду-ка я медведям отдам на съедение этого Амамкута, – подумал *Сисисг'ын*, а вслух произнес: – Амамкут, завтра пойдем на охоту на медведей!

Утром они собрались, и Амамкут говорит своей жене:

– Если закапает кровь, то это значит, что меня убили, – и сам завязывает ей на торбасах завязки. – Смотри, не развязывай! Это знак верности!

.....
* *Пиняк* – окрашенные в красный цвет ворсинки белька (детеныша нерпы), используются в качестве украшения на одежде, а также как оберег. В словаре аляutorского языка, составленном Ю. Нагаямой, *пиняк* – «кисточка торбазов» [Нагаяма 2003: с. 281].

Амамкут и *Сисисг'ын* отправились на охоту. Подошли к медвежьей берлоге, смотрят. *Сисисг'ын* опять тайком подкрался к Амамкуту сзади и толкнул его внутрь. А медведи рады, что сын Создателя пришел к ним в гости. Опять его так радушно встречают: накормили, напоили Амамкута и отпустили домой. Тем временем *Сисисг'ын* думал, что он, наконец, убил Амамкута, побежал домой и говорит жене Амамкута:

– Теперь я женюсь на тебе! Скоро моей станешь!

Она посмотрела на *пиняк*: с ним ничего не происходит, поэтому в ответ она ничего не произнесла.

Амамкут благополучно вернулся домой. Стали они опять жить хорошо, дочь растить. А *Сисисг'ын* опять начал думать, как же убить Амамкута, чтобы он уже не вернулся обратно. Пошел он к морю, увидел там лежбище сивучей и моржей. Вернулся он к Амамкуту с предложением снова отправиться на охоту. Собрались:

– Пойдем мы к морю на охоту, – сказал *Сисисг'ын*.

Подошли они к обрыву, *Сисисг'ын* толкнул Амамкута. Он разбился о камни, и сивучи его задавили, от него остались одни кости. В это время с *пиняка* начала капать кровь, тогда его жена и узнала, что Амамкут умер. *Сисисг'ын* обрадовался, скорее побежал домой и говорит жене [Амамкута]:

– Все! Амамкут умер! Теперь я женюсь на тебе!

Но как тот ни уговаривал ее, она так и не согласилась выйти замуж за *Сисисг'ына*.

Прошло какое-то время, от Амакута остались лишь одни кости, а их дочь уже выросла, стала отважная, высокая, сильная и стройная. Все она думала, как бы ей найти отца. Долго она его искала. На берегу, где располагалось лежбище сивучей, дочь все же нашла отца. Имми подсказала, как можно оживить его, для чего надо собрать все кости вместе, хорошенько их пнуть, и тогда он снова оживет. Дочь так и сделала и оживила своего отца.

Отец вернулся домой. Завязки на торбасах у жены втерлись ей до костей – до того она хранила верность своему мужу, не развязывала их.

Таким образом дочь вернула к жизни своего отца Амамкута.

Самозапись А. И. Поповой.

12. РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ* (Морошка)

Однажды Куткыннюк решил проверить свое колдовство. Не было дня, чтобы он не вытворял чудеса. Вот говорит своей жене:

– Миты, съешь, пожалуйста, полную кастрюлю морошки.

Миты сперва протестовала, но потом согласилась, она привыкла к чудаковатостям своего мужа. И поэтому съела.

Куткыннюк взял бечевку и отправился за дровами. Когда Куткыннюк ушел, Миты родила дочь. Она взяла это драгоценное существо в руки, и она [девочка] сразу стала плакать. Вместо слез потекли морошки, дочь была неопишуемой красоты.

Приходит Куткыннюк домой говорит:

– Возьми дровишек.

А Миты в ответ:

– Не могу я, Куткыннюк, что-то нога не двигается.

Куткыннюк в ответ улыбается и говорит:

– Кого ты родила?

Она отвечает:

– РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ.

Зашел Куткыннюк в юрту, посмотрел на драгоценное существо. Улыбнулся и говорит:

– Славная у нас дочь будет, и не будем мы с тобой за ягодами ходить теперь: есть, чем пожить.

Так росла эта девочка. Веселая, задорная. Никто [все] ею не налюбуются. В это время РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ нужно было замуж выдавать. Приехали с разных краев парни, чтобы увидеть эту красивую девушку. Позже приехал и меньший брат Титкын (брат Солнца). Точно такой же веселой, задорный. Полюбили друг друга РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ и Титкын**. Наше [солнце] ясное-Титкын ласкает тундровую морошку. Пришлось Куткыннюку отдавать свою дочь за Титкына. Пожили здесь немного Титкын и РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ.

* РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ – женский персонаж мифологического фольклора береговых коряков. Имя образовано путем присоединения к имени ТИНИГ'АҢАВ'ЫТ основы слова *рыттырыт* 'морошка' [Нагаяма 2003: с. 289].

** Титкын – мужской персонаж мифологического фольклора береговых коряков. Этимология имени Титкын восходит к слову *титкытит* – 'солнце' [Нагаяма 2003: с. 298].

Захотелось Титкыну провести свою семью. Поехали они трое: отец, мать и сын. Едут они, едут. И вдруг захотелось АҢАТЫНЮ – это сын Титкына и РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ – пить. Титкын пошел искать воду, а РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ и АҢАТЫНЮ стали ждать.

Вдруг откуда не возьмись скачет Лиса. Она смело подошла к нарте, под села туда и говорит:

– Давай меняться местами.

Но получила вполне ясный ответ, она разгневалась. Схватила РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ, раздела и затоптала в пушистый снег. Она спокойно переоделась в одежду РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ, села и стала ждать.

Тут приходит Титкын. Лисица жмурится и прикрывает своими ладонями лицо. Титкын подает Лисице кружку и говорит:

– РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ, напои сына родниковой водой.

Лисица берет воду и поит сына. Она не туда тычет кружку, всю усеянную украшениями. Титкын видя, что РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ не туда подает воду сыну, говорит:

– РЫТТЫТИНИГ'АҢАВ'ЫТ, что с тобой случилось? И как-то ты изменилась, побледнела, нет той прежней румяности.

Тогда Лисица, поняв свою ошибку, не подала виду и ответила:

– Что ты, мой милый, разве я изменилась? Это, наверное, пролетали тут утки у злого духа, они меня изменили.

– Ах! – сокрушался Титкын, – что же мне делать, не успел довести свою жену до дома, может, еще какие приключения будут?

Он тронулся, и они поехали по сыпучей дороге. Когда они стали отходить от того места, где остановились, оттуда раздался печальный прощальный голос:

– Ах вы, мои милые, вы меня оставляете здесь, а сами уезжаете!

Титкын повернулся назад и удивился, что это могло быть, кажется, знакомый голос раздался. Он спросил Лисицу:

– Что это такое?

Она ответила:

– Не бойся, это мои ногти говорят.

– А-а-а...– только и мог сказать Титкын. Но тревога не покидала его.

Они скоро увидели юрты, разбросанные как угольки по тундре. Над жилищами вились струйки дыма.

Жители этого племени, завидя нарту, движущуюся вдаль, сразу догадались, что едет Титкын со своей прекрасной женой. Они быстро застелили всю дорогу до юрты, где жила семья Титкина, оленьими шкурами. Когда они подъехали к юрте, Лисица проворно соскочила с нарты, стала прыгать и поглядывать голодными глазами по сторонам, что бы съесть. Но вдруг подумала, что она прекрасная девушка *Рыттытини́г'аңав'ыт*, коварно заулыбалась. Прыгая на шкурах, она уронила засохшую морошку.

Все жители, пришедшие посмотреть на необыкновенную девушку, сразу стали расходиться разочарованные такой нарядностью. Но, несмотря на это, мать Титкын взяла за руки Лисицу и они вошли в дом. По дороге она увидела пузырьки с жиром. Она вдруг вытащила ногти из своих рук как ножи. Она вонзила свои ногти в пузырек с жиром и тут же убрала их. С пузырька потек жир. Все это шествие видела старуха, сидевшая у огня, гревшая свои старые кости. Она стала потихоньку всем говорить, что это не девушка, а лиса. Но люди не верили.

А между тем Лисица задумала хитрость. Она заболела, то есть притворилась больной. Титкын стал ухаживать за ней и все время повторял:

– Что же я натворил, что же я скажу Куткынняку!

Спустя время приехал Куткынняку и другие люди его племени. А Лисица еще больше нагнала. Она просила, чтобы ей давали только жирные куски мяса и еще вкусные кусочки. Она на удивление Титкина все время ела.

В это время *Рыттытини́г'аңав'ыт* сделала себе солнечный дом. Соломенную одежду себе и дочери. *Рыттытини́г'аңав'ыт* и ее дочь питались морошками. От этого всегда болела грудь. Когда девочка подросла, Морошка ей сказала:

– Не ходи слишком далеко, особенно где заря встает.

Девочка первое время не ходила где заря встает. Она играла около соломенного домика. Однажды она не заметила,

как ушла далеко от дома. И тут она увидела юрты племени Солнца. Девочка проходила через мусорную яму. Она увидела в мусорной яме кусочки мяса. Сперва одну взяла, потом вторую, попробовала – очень вкусно. Остальные кусочки решила отнести своей матери, при этом приговаривая:

– Какие вкусные, откуда это такие вкусные куски.

Она посмотрела на север, там стояла юрта. Она вошла туда. Войдя, увидела, в середине юрты горит костер, чего она не видела от самого рождения. Около костра валялись прожаренные на огне куски мяса. Эти куски она кушала и приговаривала:

– Какую вкусную еду едят люди.

Всю эту сцену видел брат *Рыттытини́г'аңав'ыт* Амамкут. Он сразу догадался, что это дочь *Рыттытини́г'аңав'ыт*. Потом девочка ушла домой. Придя домой, она рассказала матери, где была, что видела. Была огорчена тем, что мать ее слушает с беспокойством.

Между тем, Лисица еще хуже заболела. Ее стон слышали даже в соседних юртах – так громко она стонала. Около нее всегда находился Титкын. Тут же был и Куткынняку, который, услышав, что дочь больна, сразу приехал, несмотря на то, что он так стар.

На следующий же день Амамкут сказал своим сестрам:

– Все оставляйте около костра куски жареного мяса.

Сестры недоумевали, что это опять придумал их брат. Но послушались своего брата, пооставляли куски мяса около костра. В это время Амамкут обращается к своей сестре:

– *Тиниг'аңав'ыт*, сделай, пожалуйста, мне мое любимое блюдо.

Тиниг'аңав'ыт сделала любимое блюдо брата. Амамкут взял и поставил его около порога, при этом откинув край полога. Его любимое блюдо находилось в деревянной миске. Эта миска, сделанная из толстой березы, очень длинная, выдолбленная изнутри, похожая на корыто. Чаще они имеют разную форму, смотря, как украсит ее мастер.

Он поставил то блюдо у порога и стал ждать. Ждал недолго. Открылась «дверь», зашла та самая девочка, которая накануне зашла сюда. Она стала подбирать куски, приговари-

вая [что-то] про себя. Слова, которых Амамкут не разобрал. Вдруг девочка увидела миску с едой. Она быстро подбежала к еде. Но тут же была схвачена чьими-то сильными руками. Она оказалась среди каких-то незнакомых людей.

Мужчина средних лет, который ее схватил, сказал ей:

– Не бойся, девочка. Они тебя не обидят.

Он ласково глядел на девочку. Она увидела какое-то сходство между своей матерью и этим человеком. Наконец девочка решилась спросить его:

– А вы кто?

– Я брат твоей матери. Сейчас позовем и твоего деда.

Амамкут не выходя с нижнего мехового полога, крикнул:

– Отец, иди сюда, нужно померить на тебя кухлянку.

Последовал ответ:

– Сейчас иду.

Вскоре он вошел. Взгляд его сразу же упал на маленькую девочку, которая уплетая за обе щеки, ела с деревянной миски жировую смесь. Брови его полезли вверх от удивления.

– Вы, почему ее давно не убили? Ведь она не нашего племени.

Сын его, Амамкут, стал ругать отца.

– Ты говоришь, почему не убили? А ты знаешь, кто она такая? Ведь это твоя внучка. Ты знаешь, кто у нас в пологе притворяется больной? Ведь это Лисица. Неужели вы не видите, что это Лисица?

Тут только бедный Куткыннюку опомнился. Засуетился вокруг внучки. А та только головой вертит, [смотрит] вокруг. Ей очень нравился этот небольшой старичок. Но Амамкут прервал его волнение.

– Отец, надо съездить за сестрой. А то она там, бедная, забеспокоилась о дочери.

– Ну что ж, давайте выезжайте. Но сперва надо обрадовать Титкына. А то он, бедный, совсем стал неузнаваемый – все ходит вокруг своей жены. Не знает, бедный, что это не жена, а Лисица.

– Ну что ж, хорошо! – ответил сын, а затем обратился к своей сестре:

– *Тиниг'аңав'ыт*, позови Титкына, скажи, что Амамкут зовет его по делу.

Тиниг'аңав'ыт вышла из полога и крикнула:

– Титкын, поди сюда, тебя зовет Амамкут!

Титкын ответит из соседнего полога:

– Не могу, *Тиниг'аңав'ыт*, прийти. Жена умирает.

Но тут раздался властный отцовский голос Куткыннюку:

– Титкын, а ну иди сюда. Пусть потерпит твоя жена, не умрет.

Ничего не попишешь. Титкын вошел в полог Амамкута. Тут он увидел девочку, которая сидела на коленях у Куткыннюку. Еще более удивился, ведь его потребовали тогда, когда умирала его жена. А теперь вот неизвестная девочка. Куткыннюку, взяв эту девочку на руки, сказал, подавая ему:

– На, возьми свою дочь. Небось, обрадуешься, увидев такую хорошенькую дочь.

Титкын еще не опомнился от таких слов. Стоял, как деревянный, держа на вытянутых руках девочку, поглядывая то на нее, то на Куткыннюку. Наконец, оправившись от столбняка, он заговорил:

– Откуда эта девочка? Почему она мне дочь? Да и откуда она может быть, когда моя жена вот уже год как больна. И может быть, скоро она умрет.

– А ты знаешь, кто твоя жена? – прервал его Куткыннюку. – Жена твоя [сейчас] – Лисица. А настоящая твоя *Рытты-тиниг'аңав'ыт* вот уже год как живет одна с этой маленькой девочкой. Вот ты сейчас убедишься, что твоя жена – Лисица.

При сих словах он встал и сказал Титкыну:

– Пойдем!

Они вышли, зашли в полог Титкына. Куткыннюку подошел к больной Лисице, взял ее за хвост, большим ножом стал рубить ее на кусочки. Какой кусок упадет, то сразу [сам] идет к порогу юрты. Так вскоре собрались все кусочки. И опять получилась настоящая лиса.

– Вот [так] вам и надо. Вот как я уже год у вас здесь живу, и кушаю только вкусные куски мяса и жира. Ха! Ха! Я вам сделала несчастье. Ха! Ха! Ха!

И вильнув хвостиком, убежала. В это время Амамкут приготовил сани для сестры. *Тиниг'аңав'ыт* приготовила одежду.

И вот несколько людей едут на оленях. У Амамкута сидит девочка. Она уже одета. Ей тепло. По дороге она дремлет, убаюканная быстрой ездой. Вот и соломенный домик. На крыше дома сидит *Рыттытини́г'а́нав'ы́т*. Но увидев людей, она быстро слезла и убежала в дом. Ей в след крикнул Амамкут:

– *Рыттытини́г'а́нав'ы́т*, куда же ты убегаешь? Ты разве не видишь, что едут к тебе.

Она узнала голос брата и поспешно вышла. Трогательная была встреча с братом. Но еще трогательней была встреча с мужем. Она переоделась и стала такая же веселая и задорная.

Приехав домой, Куткыннюку им сказал:

– Ну вот, мои дети, теперь поезжайте к себе домой. А ты, Титкын, смотри, в следующий раз получше [смотри], кто перед тобой: жена или Лисица. Титкын со своей женой и детьми уехали теперь уже по-настоящему домой. А дома их уже ждали. Но уже без белой дорожки.

Но вот и сказке конец.

Самозапись А. И. Поповой.

13. Сказ о Карагинском острове

Жил некогда Куткыннюку на свете и была у него прекрасная дочь *Тиниг'а́нав'ы́т*. Наведался к ним ходить молодой юноша *Кав'альни́к** (Ласточка). Каждый день приезжал он, чтобы увидеть прекрасные очи *Тиниг'а́нав'ы́т*.

Наконец он всем надоел своим приходом и Куткыннюку выдал свою дочь за *Кав'альни́к*. И вот *Кав'альни́к* отправился со своей женой пешком к своему дому. По дороге неожиданно *Тиниг'а́нав'ы́т* захотелось сходить по нужде. *Кав'альни́к* в это время стоял поодаль и ждал. Когда *Тиниг'а́нав'ы́т* подошла, он сказал:

– *Тиниг'а́нав'ы́т*, ты иди вперед и, смотри, не оборачивайся назад.

Тиниг'а́нав'ы́т, разумеется, поняла его наказ и пошла вперед. Когда отошла на некоторое расстояние, ее стало разбирать любопытство:

* *Кав'альни́к* – 'береговая ласточка' [Нагаяма 2017: с. 112].

– Зачем это он меня выслал вперед?

И украдкой посмотрела. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что он просто ест ее кал. Она с презрением стала думать: «Какой же он, оказывается, гадкий».

Мигом подлетел к ней *Кав'альни́к* и говорит:

– Ты посмотрела, я видел.

– *Кав'альни́к*, но я же ничего не видела, что ты там делал.

– Нет, ты, все равно, посмотрела.

Молча затаил обиду *Кав'альни́к* и в скором времени отмстил ей.

Дальше молча проделали остальной путь. Как только *Кав'альни́к* пришел домой с женой, он каждый день куда-то исчезал. Мать *Кав'альни́к* спрашивает:

– Где ты, сыночек, каждый день пропадаешь?

– Мама, не спрашивай меня лишний раз, ты же знаешь, что у меня неверная жена.

И вот в один прекрасный день, он пришел домой довольный и веселый. Приказал жене приготовить самое вкусное блюдо, какое сам Куткыннюку не едал.

– *Тиниг'а́нав'ы́т*, пойдем завтра, я тебе покажу, где осенью можно собирать ягоды.

Тиниг'а́нав'ы́т, ничего не подозревая, согласилась. На следующие утро *Тиниг'а́нав'ы́т* села на спину *Кав'альни́к* и они полетели. Долго или нет, они летели, но вдруг стали лететь над морем.

– *Кав'альни́к*, куда ты летишь?

Ничего не ответил *Кав'альни́к* на ее вопрос и продолжал лететь. Наконец вдали показался останец (остаток от горы). Туда и направил свой полет *Кав'альни́к*. Как только дошли до утеса, *Кав'альни́к* снял со спины *Тиниг'а́нав'ы́т* и посадил на утес.

– Сиди здесь, неверная жена. И улетел.

Долго или недолго просидела *Тиниг'а́нав'ы́т* на утесе, но в один прекрасный день родила близнецов. Теперь единственную радость в жизни доставляли ей дети. Они росли не по дням, а по часам. Вот они стали уже ползать. Ведет она их по утесу. И однажды она водила их, и неожиданно оба вырвали. Образовалась огромная земля. *Тиниг'а́нав'ы́т* обрадо-

валась и спустилась со своими близнецами. Теперь она могла жить на просторе. Она водила своих детишек по земле, и везде образовывалось огромное поле. Говорят, оно сейчас до сих пор [осталось]. Не знаю, есть или нет, но я пишу эти строки, произнесенные из уст народа.

По привычке Куткыннюку всегда смотрит на море: не вынырнет ли где кит. Так и на этот раз: проснувшись, первым делом посмотрел на море. И видит следующую картину. Вдали, где недавно был только утес, теперь раскинулась черная земля.

– Миты, выйди на улицу, смотри, откуда эта земля?

– Откуда может появиться эта земля, не знаю, но надо туда сходить.

И загорелась страсть путешественника. Недолго думая Куткыннюку собрал своих лучших лодочников и отправился к незнакомой земле.

– Давайте вернемся к нашему *Кав'альнюк*, пока Куткыннюку со своими молодцами дойдет до новой земли.

Как только отвел свою жену к утесу, *Кав'альнюк* не теряя времени, пошел к родителям жены, плача и жалуясь на свою вдовью жизнь. Он рассказывал, как хоронил свою жену сразу на нескольких кострах. И благодарные родители всячески берегли и опекали пустозвона. Но когда приехала *Тиниг'анав'ыт*, он, получив расплату, полетел домой и упал вниз головой через дымоход в свой дом.

Так закончилось это смешная сказка.

В ней правда и неправда есть.

Самозапись А. И. Поповой

14. В'алтарнав'ыт* (Кривляка-Отлив)

Однажды Куткыннюку сказал своей жене Миты:

– Миты, поедem к распевнику Морю.

– Что-то мне не хочется, Куткыннюку, как бы опять что-нибудь не случилось.

.....
* *В'алтарнав'ыт* – женский персонаж мифологического фольклора береговых коряков. Структура имени состоит из трех основ: глагольной основы *в'элтык* – 'кривить (рот)' [Жукова 1967: с. 202], глагольной основы *арык* – 'отливать' [Кибрик и др. 2000: с. 301] и основы существительного *нав'ысн* – 'женщина' [Там же: с. 363].

– Ничего, мы как-нибудь спасемся.

Ничего не поделаешь против упрямого Куткыннюку. Миты стала собираться. Наскоро собравшись, они уже в пути. Как хороша эта дорога, особенно в лунную ночь: полозья скрипят, и меняется картина пейзажа одна за другой. Эх, дорога, ты дорога. По дороге увидели дом семьи *В'алтарнав'ыт* (Кривляка-Отлив).

– Миты, может, заедем?

– Опять что-нибудь случится.

– Ничего не случится, заедем.

Когда *В'алтарнав'ыт* увидела, что приехали Куткыннюку и Миты, то сразу спустилась.

– Миты, быстрее заходи, вот здесь садись.

На пороге [*В'алтарнав'ыт*] быстро поставила водопад. Когда Куткыннюку стал заходить, она сказала:

– Куткыннюку, здесь наступи!

Куткыннюку наступил и провалился сквозь землю. Когда очнулся, то увидел: лежит на берегу моря. Принял образ ворона и полетел домой.

А в это время *В'алтарнав'ыт* всячески ухаживала за Миты. Ей вдруг захотелось выдать ее замуж за своих сыновей. Вечером пришли ее сыновья.

– Дети, вот всем жена.

– Мать, зачем ты это сделала? Ведь с нашим основателем нельзя шутить.

– Ничего подобного, я ведь искала вам жену и нашла.

Вскоре Миты родила ребенка.

В это время Куткыннюку вернулся домой. На вопрос сына *Кигигисг'ын*:

– Где мать?

Ответил:

– Осталась у *В'алтарнав'ыт*.

– Почему?

– *В'алтарнав'ыт* выдала ее замуж за своего сына.

– Не бывать этому! – сказал *Кигигисг'ын*.

– Не ходи, *Кигигисг'ын*, не случилось ли опять чего-нибудь.

– Все равно найду. Не потерплю, чтобы моя мать жила у каких-то людей.

Он в этот же день поехала со своим братом Амамкутом. Приехав к *В'алтарнав'ыт*, сразу же зашел в дом, схватил новорожденного ребенка, сдавил ему горло и выбросил. Потом схватил свою мать за руку и вывел на улицу. Посадил на нарты и был таков.

Вечером приехали домой двое сыновей и муж. *В'алтарнав'ыт* к ним:

– Миты увезли, ребенка убил *Кигигисг'ын*.

– Не будешь первая задирать нос перед создателем.

В'алтарнав'ыт отвечает:

– Нет, я так не оставлю. Пойду войной на племя Куткын-няку.

– Побойся Бога, что ты говоришь! – проговорил ее муж.

– Ничего подобного.

Сказав это, она собралась и поехала к родственникам собирать рать. Собралась огромная рать.

Самозапись А. И. Поповой

15. *В'ытв'ыт** (Цветок)

Меня часто просят рассказать сказку. Вот одна из них.

Однажды племя, где жила девушка *В'ытв'ыт*, решило всех девушек, в том числе и *В'ытв'ыт*, послать осенью на сбор лесных растений, в прекрасные места, где пасутся горные олени. У девушки *В'ытв'ыт* были два брата. Один был злой, а другой был добрый. Добрый юноша любил свою сестру за ее нежность и за все он любил свою сестру. А злой брат, наоборот, не любил свою сестру. Он просто не любил. *В'ытв'ыт* была девушка добрая, и сердце у нее было прекрасное. Она любила свою мать и отца, своих братьев. И вот настал день, когда их послали на работу. В зеленом острове разбили лагерь. Одну общую юрту. Если [была] замужняя женщина, то ей отдельно палатку построили [бы]. Остров этот был очень красив, несмотря на осень. Весь зеленый, а вокруг – причудливые горы. Они отражались в тихую погоду на [поверхности] реки. Везде стоит тишь. Ни единого звука. А как только день настанет, так сразу, откуда

* *В'ытв'ыт* – 'растение, цветок, листья' [Нагаяма 2017: с. 60]

ни возмись шум, гам. Это проснулись лесные друзья. Они особенно любят шум наводить.

Девушки же, проснувшись утром, обычно любят долго наводить красоту. Бегут к реке умываться. Потом, наскоро поев, бегут в лес за ягодами, орехами, за дикими растениями. Ах, как хорошо чувствовать прохладу утренней зари, когда идешь по тропинке на гору. Хотя трудновато идти, но все-таки прекрасно идти, собирать ягоды на полянах и орехи доставать с кедрачей. То там, то здесь – красные ягоды рябины. Она уже поспела. Но пока вернемся к сказке.

В'ытв'ыт шла по узкой тропинке к прекрасной горе. Она давно знала эту гору, еще с детства. Она помнила, как вместе с отцом ездила к этой горе. И всегда охота была удачной, потому что эта гора называлась Счастье. А сейчас уже девушкой она по-другому смотрела на мир. Много стало понятно теперь. Вот мелькает между деревьями ее гибкое тело. Что это слышится? Как [будто] прекрасная песня раздается среди лесной утренней тишины.

Она поднялась на гору – и сразу столько ягод! Она стала собирать. Собирает, собирает она и вдруг видит: раненый олень. Он пробежал мимо и где-то близко упал. Она продолжила собирать ягоды. Вдруг раздался шорох, [*В'ытв'ыт*] выпрямилась и вдруг увидела прекрасного юношу. Он стоял стройный и прекрасный. В руках держал лук и стрелу. Он подошел к ней и говорит:

– Скажи, прекрасная девушка, не видела ли ты, [не] проходил ли здесь раненый олень?

– Нет, я не видела никакого оленя.

Юноша пошел дальше, он прошел несколько шагов и увидел уже мертвого оленя. Он развел костер. Когда костер уже горел ярко, он позвал девушку. Она подошла к нему. Тут они познакомились. Вскоре уже сидели около костра и разговаривали, как будто были знакомы уже несколько лет.

Он расспрашивал ее о жизни, о ее родителях. Амамкут (так звали юношу) полюбил эту простую девушку, которая сидела рядом и свободно разговаривала с ним.

Потом сняли шкуру с оленя, распотрошили и разложили мясо. Потом сели у костра, стали говорить и говорить. Даже не заметили, как прошел день. Солнце уже садилось за горы, как [вдруг] они опомнились и вскочили.

– Вот и просидели мы с тобой до вечера. Ничего я не собрала: ни ягоды, ни растений.

– Ничего, – сказал юноша.

Взял одну ягоду и дунул. Тут появилось много ягод. Девушка только ахнула. Она с уважением посмотрела на него. Потом он взял дикое растение и дунул. Тут, откуда не возмись, появилось много диких растений. Она положила все это в свой мешок специальный для собирания ягод и растений. Юноша сказал *В'ытв'ыт*:

– Возьми немного мяса.

А она сказала:

– Что ты, не надо. Ведь девушки, когда узнают, что я принесла откуда-то мясо, засмеют, что я с кем-то встречалась.

Потом она пошла домой. Юноша долго стоял на горе, пока не исчезла она из виду. Она посмотрела назад и увидела его: он стоял в очертании горы, стройный.

Придя домой, девушки окружили ее. У нее был полный мешок ягод и растений. Девушки заахали, увидев, сколько *В'ытв'ыт* собрала ягод и растений. Она стала вытаскивать все. И тут она вытащила мясо. Девушки еще больше заахали и давай спрашивать откуда, да как. А *В'ытв'ыт* молчит, ничего не говорит. Она знала, кто положил ей это мясо.

На следующий день она опять отправилась на гору Горных оленей. Там они встретились опять. *В'ытв'ыт* просила, чтобы Амамкут не клал ей мясо. Так они опять просидели до вечера. И точно также, как и вчера, он сделал ей [подарок]: дунул на ягоды и растения. Потом они расстались до следующего дня.

На следующий день он ей сказал:

– Тебе придется отделиться от всех девушек. Попросишь палатку отдельно.

Девушка согласилась.

– Тебе придется отделиться, потому что скоро твои братья приедут за тобой. Вообще, все приедут.

– Хорошо, я так и сделаю, как ты мне велел.
Они простились.

Придя домой, она поставила отдельно палатку. Конечно, к удивлению своих подруг. Потом каждый день встречались Амамкут и *В'йтв'йт*. С каждым днем они становились откровеннее друг к другу.

Вскоре приехали парни за девушками. Лодки оставили на берегу. Девушки побежали к старшему брату *В'йтв'йт* и закричали:

- Твоя сестра встречается с парнем.
- Твоя сестра принесла мясо откуда-то.
- Твоя сестра отделилась ото всех.

Так они говорили старшему брату *В'йтв'йт*. Наконец, он разозлился от того, что девушки говорят плохое про его сестру. Он взял острый нож и направился к палатке сестры. Он еще издали закричал ей:

– А ну, давай выходи из палатки, не то зарежу.

Но *В'йтв'йт* не выходила из палатки. Тогда старший брат вместе с палаткой разрезал на мелкие кусочки *В'йтв'йт*. Вот какой жестокий брат был у нее. Все это время за ссорой следил Амамкут. Он видел, как старший брат зарезал *В'йтв'йт*.

Вскоре все обитатели зеленого острова ушли. Над станом летали вороны и страшно каркали. Стало пустынно на зеленом острове. Амамкут спустился с [горы] Горного оленя. Он подошел к тому месту, где были разбросаны куски тела *В'йтв'йт*. Амамкут собрал куски тела и пнул. Из этого тела встала прежняя девушка *В'йтв'йт*.

– Ох, зачем ты меня оживил. Я бы лучше совсем не ожидала и лежала бы здесь на земле, потом бы меня растащили вороны, которые кружат над нами...

Все это девушка сказала горестно, с грустью. Но Амамкут бодрым голосом сказал:

– Не грусти, *В'йтв'йт*. Мы с тобой еще заживем.

Он стал подбирать неподалеку валявшиеся куски дерева. Когда собрал, пнул их, и появилась огромная юрта. Вокруг ходили олени. Тут же были нарты с грузом. Впереди стояла чудесная нарта. Пожили еще на этом чудесном острове.

А в это время племя, где жила *В'йтв'йт*, жило своей жизнью. Одни мужчины ходили на охоту, другие находи-

лись у стада. Женщины и девушки скоблили шкуры, шили кухлянки и всякие вещи, которые носят все люди этого народа. Девушки, жившие с *В'йтв'йт* на зеленом острове, всюду разносили вести о непонятном поведении *В'йтв'йт*. При этом дразнили родителей девушки:

- Вот уж приедет ваша дочь с женихом!
- Вот уж она вам гостинцы привезет!

А старые родители *В'йтв'йт* и без того уж состарившиеся от печали, еще более старились от обиды и от ежедневных насмешек. Старший брат становился еще более нелюдимым. А младший брат думал о том, как бы отомстить. И вот однажды ранним утром мальчишки, самые любопытные, известили: кто-то едет. Караван большой. Стадо огромное, как широкая тундра. Самые насмешливые и злорадные девушки, когда-то завидовавшие красоте *В'йтв'йт*, кричали:

– Что? Неужели едет *В'йтв'йт* со своим женихом? Ха-ха-ха!

Вот караван стал подходить к дому родителей *В'йтв'йт*. Вот уже остановился. Караван вел стройный красивый юноша. Родители *В'йтв'йт* и младший брат пошли навстречу [им]. Народ вокруг толпился, пооткрывав рты от удивления. Вот встает *В'йтв'йт* и подходит к своим родителям, и каждого обнимает. Все рады. Тут же разбили лагерь. Забили много оленей. Самым бедным людям Амамкут приказал убить по несколько оленей. Все сложилось счастливо. Никто и горя не знал.

Ну, вот и заканчиваю сказку. Это сказка о любви и доброй силе.

26 октября 1968 г.

Самозапись А. И. Поповой.

16. Старая ведьма и мыши

Как-то собрались малыши-мышата покататься. Родители им говорят:

– Не ходите ночью кататься. Старая ведьма вас может поймать.

– Ха, а мы убежим.

Не могли родители остановить своих мышат. Не послу-

шались малыши родительского совета, пошли кататься. Катаются мышата. Услыхала старая ведьма скрип полозьев да писк:

– Подождите, мыши, штаны зашью, не катитесь.

От испуга мыши послушались и стали ждать.

– Ну, катитесь!

Покатились мыши и попались в ведьмины штаны. Идет ведьма в лес и приговаривает:

– Вот мне хороший ужин будет.

А ведьма-то любила с душком мясо. Вот ей и понадобилось повесить на дерево мышат. Пришла в березовую рощу и говорит:

– Уг'уна*, қықаңат (Дерево, наклонись) – и дерево наклонилось.

Повесила ведьма туда мышат в мешке и пошла домой, и снимает для вертела палки, приговаривая:

– Вот для печени, вот для почек, вот для головы.

Пришла домой и легла спать, предвкушая обильный ужин.

Сидят мыши в штанах и выглядывают оттуда. Прыгнешь – разобьешься. Высоко. В это время Лисичка проходила мимо. Вдруг слышит:

– Хорошо тебе, Лисичка, на воле ходить.

Посмотрела Лисичка, увидела мышат и говорит:

– Что же вы туда залезли?

– А нас старая ведьма сюда повесила. Помогите нам, а?

– Как же я вам помогу? Далеко сидите.

– А мы тебя научим. Когда захочешь, чтобы дерево наклонилось, скажи: «Уг'уна, қықаңат** (Дерево, наклонись)», а когда захочешь, чтобы распрямилось, скажи: «Уг'уна, қывитгат*** (Дерево, выпрямись)».

Стала тут Лисица по сказанному говорить: то наклонись, то выпрямись. А дерево – то наклонялось, то выпрямлялось.

Лисичка, скажи только один раз: «Уг'уна, қықаңат».

* Уг'уна – обращение к дереву, персонажу сказки. Возможно, имя Уг'уна образовалось в результате сложения двух основ: основы слова *уттыг'ут* – 'дерево' [Нагаяма 2003: с. 304] и основы слова *нависын* 'женщина' [Кибрик и др. 2000: с. 363].

** Қықаңат – повелительная форма глагола *қаңатық* – 'сгибаться, гнуться' [Нагаяма 2017: с. 116].

*** Қывитгат – повелительная форма глагола *витгатық* 'выпрямиться' [Нагаяма 2017: с. 46].

И тогда Лисица сказала:

– Уг'уна, қықаңат (Дерево, наклонись).

Дерево наклонилось, из штанов выскочили мышата. Самый маленький остался. Когда мышата падали в мешок, он оказался на самом дне и поэтому умер. Пожалели его братья и сестры, но ничего не поделаешь. Лисица стала торопить их:

– Скорей собирайте земляные комья и все, что попадет под руку.

Наполнили мешок разной дрянью и сверху умершего мышонка положили. Повесили мешок на дерево, попросили дерево подняться, а сами пошли домой к Лисице. По дороге набрали ольховой коры.

Проснулась вечером старая ведьма и пошла к дереву. Пришла к дереву, говорит:

– Уг'уна, қықаңат (Дерево, наклонись). Кислой печенкой угощу.

Дерево наклонилось. Сняла ведьма мешок и говорит:

– Дерево, выпрямись. Потом печенью угощу, – а сама открывает мешок.

От удовольствия глаза закрыла. С закрытыми глазами взяла маленького мышонка и в рот себе положила:

– Какой вкусный!

Взяла второй кусок. Только проглотила, сразу назад выплюнула.

– Тьфу! Тьфу! Тьфу! Это Лисица, наверное, опять узнала. Пойду к ней, все кишки выкручу.

Идет старая ведьма, ругается. Как услышали мышата и Лисица, что идет старая ведьма, сразу засуетились. И давай готовиться к встрече. Костер затушили водой. Уложили Лисицу в постель. Поставили ведро с красной водой, а сами попрятались, кто куда. Одни залезли в ухо к Лисице, другие – под шкуры. Пришла ведьма в дом к Лисице, а там – тишина:

– Где ты, Лисица! Выходи, я тебе все кишки повыкручу.

– Не могу я выйти. Болею вот уже два месяца, – проговорила Лисица скрипучим, больным голосом.

Заходит ведьма. Видит: Лисица, действительно, лежит, костер не горит. В доме пахнет плесенью и мышами.

– Ай, ай, ай! Бедная моя сестра болеет. А я и не знала, думала ты моих мышат взяла. Что у тебя за ведро?

– Это моя моча. Не могу вынести, сил не хватает.

– Да я сейчас вынесу сама. Куда мне ее вылить?

– Иди к морю. Там есть обрыв, туда и вылей. Иначе от нее зараза будет идти.

Пошла ведьма мочу выливать. Идет она, идет. Слышит шорох. Увидела куст смородины.

– Наберу [ягод] для сестры, когда пойду домой.

Пошла дальше. Идет, идет. Снова шорох. Оглянулась. Видит: куст рябины растет, а на нем созревшие ягоды висят.

– Буду возвращаться, наберу [ягод] для сестры.

Наконец, дошла до моря. Подошла к обрыву. Только стала выливать из деревянного ведра, как кто-то ее с огромной силой толкнул вниз.

– Ах, ты опять меня обманула, Лисица.

– Там, на дне покрути мои кишки, – и ушла домой Лисица.

Пришла и сразу к мышам:

– Теперь идите домой. Из-за вас убила человека.

– Мы тебе заплатим, Лисица, не горюй. Только скажи, что тебе дать?

– Ничего мне не надо. Только оставляйте после себя косточки, куски мяса, а я буду их подбирать.

Ушли домой мыши. Родители их обрадовались, что вернулись дети.

– Кто вас спас?

– Лисица, – ответили веселые мышата.

– Надо ей заплатить.

– Она сказала, чтобы мы после себя оставляли косточки, кусочки мяса, подошвы от торбазов.

Вот с тех пор, как только кто-то оставляет свое жилище, приходят туда лисы. Эта привычка досталась им от предков.

*Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Мариш Платоновны,
перевод с якутского А. И. Поповой*

17. Заяц и Зайчиха

Жили на свете мать-Зайчиха и сын-Заяц. Целое лето мать и сын готовились к зиме. Они сушили рыбу, собирали ягоды. И вот к ним зачастил лодырь-Медведь. Сам, наверное, не хочет заготавливать себе пищу. Так на других наживается.

Каждый день приходит и тащит то ягоду, то рыбу высушенную. Вскоре съел все с юкольника. И решил самих хозяев съесть. На следующий день, когда ничего не осталось на улице, он вошел в дом. Медведь сильно разжирел. Вскоре и в доме ничего не осталось. Уже наступила зима.

В один прекрасный день Медведь послал Зайца-сына в лес, чтобы срубить колотушку. Заяц, дрожа от страха, взмолился не убивать хотя бы его старую мать. Но услышав угрожающий оклик, отправился в лес. Там он стал искать подходящее для колотушки дерево. Когда он нашел, стал рубить. Он думал о том, что эту колотушку делает для себя, чтобы Медведь и его убил. Он рубил и плакал: «Тук, тук, и-и-и», – раздается стук и плач.

В это время по лесу ходил Куткыннюк. Вдруг он услышал стук топора и плач: «Тук, тук, и-и-и». Послушала Куткыннюк еще раз, где раздается стук и плач. Вскоре он увидел Зайца и спрашивает:

– О чем, Зайчик, плачешь? Если нетрудно, помогу.

Зайчик поведал Куткыннюку о Медведе. Куткыннюк предложил Зайчику сделать из мерзлого дерева что-то вроде копья. И сказал:

– Скоро приду с этим деревянным копьём. Если Медведь спросит, где колотушка, ты ответишь: на улице.

Так Зайчик побежал домой радостный. Когда он, сияющий, вошел в дом, Медведь его спросил:

– А где колотушка?

Зайчик ответил:

– На улице.

А затем Медведь спросил с подозрением:

– Чего это ты такой веселый чересчур? Ведь тебе скоро умирать.

– Потому и веселый, что скоро придется умереть: не буду тебе надоедать.

Вскоре кто-то постучал им в верхнее отверстие. Это был Куткыннюку. Куткыннюку, не замечая Медведя, спросил Зайчика, все еще не заходя [в жилище]:

– Мэй*, Милют**, что ты, пригорюнившись, сидишь?

Вдруг он заметил в углу хитрого Медведя и спросил:

– Что это у тебя за гость?

И начал здесь расспрашивать про косолапого гостя: что за когти, что за лапы, что за нос, что за уши. А Медведь, знай себе, вертится, чтоб Куткыннюку его лучше рассмотрел. Когда попался удобный случай, Куткыннюку запустил в Медведя копье. И Медведь был убит. Долго помнили Зайчиха и Зайчик своего спасителя Куткыннюку.

На этом и сказке конец.

Самозапись А. И. Поповой.

18. Сказка-заклинание

(заговор)

Если вы ударитесь обо что-нибудь, произнесите это заклинание и вы выздоровеете.

Куткыннюку сказал:

– Дочь ударилась. Нужно поискать для дочери лекарство-заклинание.

Вышел из дома и сел на крышу. Посмотрел на рассвет и увидел там двух старух:

– Добрые старухи, у меня дочь ударилась, и я ищу лекарство.

– У нас есть такое лекарство. И мы сможем ее вылечить.

– Дайте мне такое заклинание.

Говорит одна старуха:

– Если ты ударишься, то подуй на руку, которой ударилась, потом плюнь и приложи к тому предмету, о который ударилась. Потом плюнь на руку и приложи к месту удара.

Самозапись А. И. Поповой.

* Мэй – 'привет' [Нагаяма 2003: с. 273].

** Милют – 'заяц' [Там же: с. 274].

19. Драка рыб

(шуточное)

Как-то подрались Навага и Камбала на дне моря. Это было очень давно. А при этом все рыбы, которые были поблизости, болели за Навагу:

– Ну, давай, Навага! – это говорил Сиг.

А поблизости был Бычок. Он как захохочет: «Ха-ха-ха-ха». Так и остался навсегда с широко разинутым ртом «до ушей».

Навага топтала Камбалу сверху. Она такой и осталась навсегда сплюснутой.

Двоюродные братья Сиг и Хариус все время подтрунивали над дерущимися рыбами. Сиг покрикивал:

– У-у, ыннану*, В'ақын**!

С тех пор у него рот вытянутым и маленьким стал.

Самозапись А. И. Поповой

20. Медведь и человек

Однажды один охотник возвращался с охоты. Дом еще далеко, а вечер наступает незаметно. Была ранняя осень. Он шел и думал, как бы побыстрее дойти до дому. Вдруг он видит: по левую сторону горит костер. Огонь тускло горит. Посмотрел направо, видит: горит веселый огонек. Так и манит к себе погреться. Он решительно шагнул в правую сторону. Стал приближаться. Видит: около костра сидит стриженный человек. Подошел, поздоровался. Человек со стриженной головой говорит:

– Тебя хотели пригласить черти к себе на огонек. Да я успел развести костер. И вот ты пришел.

Человек стал готовить жаркое. Вскоре в котле стало булькать. Раздался ароматный запах. Вскоре он поел и собрался уже спать.

Как вдруг человек со стриженной головой сказал:

* Ыннану – 'все время, каждый раз, без остановок, всегда, постоянно' [Кибрик и др. 2000: с. 308].

** В'ақын – 'навага' [Нагаяма 2017: с.50].

– Тебе надо лук и стрелы повесить на самой вершине березы.

– Это зачем тебе, ведь я завтра уйду.

– Ничего, ничего, хоть завтра уйдешь, это на всякий случай.

Охотник пошел и повесил свое оружие на верхушку дерева. Вошел в дом и лег спать.

– Смотри, ночью я буду греть дом, ты не пугайся.

– А зачем мне пугаться?

Они легли спать. А в середине зимы человек со стриженной головой начал греть дом. Охотник даже не заметил, когда грели дом.

И вот наступила весна. Все животные вышли из своих нор. Человек со стриженной головой тоже вышел. Он походил немного и решил разбудить человека. Он его еле растолкал. А охотник, зевнув, сказал:

– Как мало я спал.

– Ты выйди на улицу. Все уже гуляют, радуются весне.

– Как, разве уже весна?

– Да, да, уже весна, а ты как думал?

Человек со стриженной головой стал готовить гостя к отъезду. Он положил в котомку медвежье мясо и показал дорогу, как дойти до дому. На прощанье ему сказал:

– Как наступит осень, ты пойдешь вверх по реке. Дойдешь до того места, где сливаются два притока этой реки. Найдешь там полянку между этими притоками. И там будет медведь. Ты его должен сразу убить. Иначе если не убьешь, то сам погибнешь. Если ты убьешь того медведя, ты его тушу раздели. Сложи мясо в одну кучу и накрой его шкурой.

Выслушав наказ, охотник пошел домой. Шел недолго. За перевалом он увидел свой дом. Жена его давно перестала думать о нем. Она уже перестала думать о муже. И вот однажды она видит: кто-то идет. Вот приближается и она узнала его. Как была рада женщина, потерявшая мужа год назад.

Прошло лето, а там и осень. Пришла пора идти на медведя. Охотник взял с собой копье, стрелы и лук. Пошел вверх по реке. Каким будет будущее, он не знал. Во всяком случае, он верил, что победит медведя. Вот он приближается по кустам к поляне. И неожиданно он очутился перед медведем

в нескольких шагах. Медведь грыз орех. На появление человека он ответил рычанием. Тут человек взял копье. Нацелился так, чтоб попасть прямо в цель, то есть в сердце. Медведь тоже приготовился. Но человек убил медведя. Он начал потрошить зверя. Когда закончил, то увидел, что у медведя не было ребер. Одна шкура, да и только. Он сложил мясо в одну кучу, а затем взял шкуру и накрыл ею. Тут он впервые подумал, чем медведь ради него жертвовал: отдал ему свои ребра, чтобы человек мог спокойно перезимовать.

18 ноября 1968, понедельник, 22.10.

Самозапись А. И. Поповой

21. Путешествие одного острова

(предание)

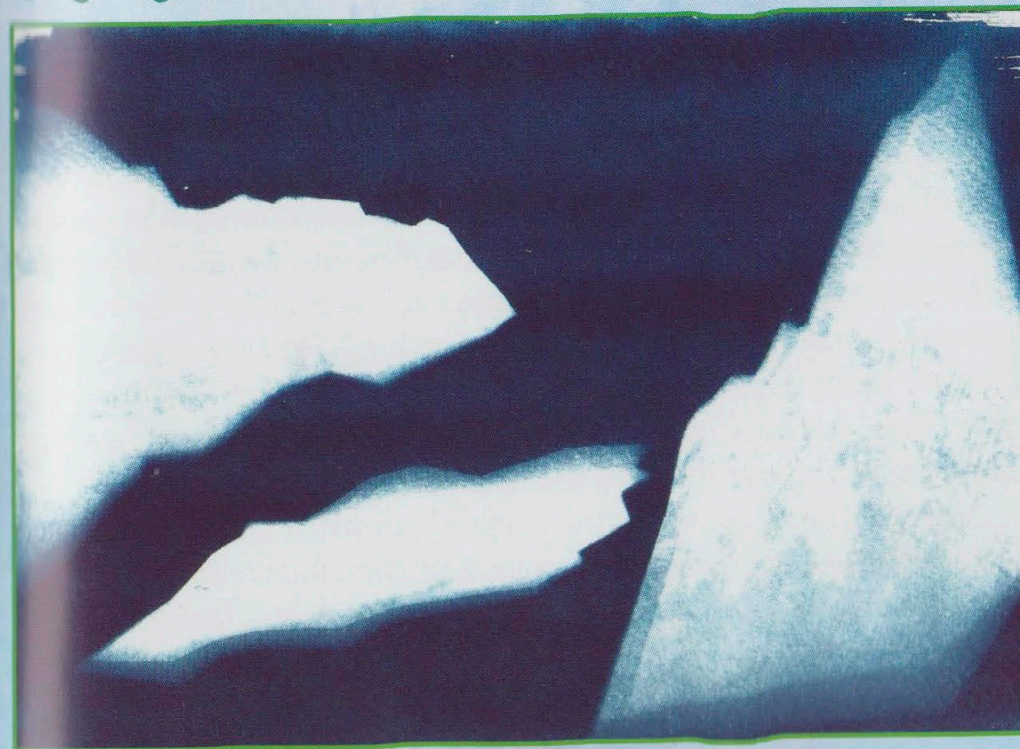
С давних времен и по сей день ходит среди корякского народа одна легенда о путешествии острова.

Когда-то давно жили две сестры-острова. Они были похожи друг на друга как две капли воды, стояли рядом далеко в море. Рыболовы и охотники ездили туда, чтоб охотиться на тюленя. А два острова щедро одаривали смелых охотников тюленьими, нерпушками. Ведь им [охотникам] приходилось ехать на байдарках, сделанных из шкур тюленя. Только смельчаки решались на такой шаг.

У одной сестры водилось много чаек. А чайки по-ихнему, это просто вши. И вот сестра решила прогнать свою сестру. Ничего не поделаешь, пришлось младшей сестре уйти навсегда от сестры.

Пошла она в путь. Идет, идет и идет. Где шла, образовался проход. И на пути встали горы. Горы ей нипочем. Она их задавила просто. Около гор расположилось село Анапка. Откуда, [где] прошла младшая сестра, там получился большой проход среди гор. Зимой сквозь этот проход идет всегда пурга.

Дальше пошла. По дороге уронила доску для скобления шкур. На самом деле, здесь [на том месте] сейчас стоит поселок Ильпырь. Это перешеек, выдающийся в море. На перешейке расположен поселок Ильпырь. То место, где стоит маяк, – это и есть доска для скобления шкур.

Дальше идет. Увидела реку, села отдохнуть. Да и забыла палку на отдыхе. На самом деле, [там] сейчас река Альховаям*, и этот утес похож на палку. В честь этого утеса названа река Альховаям. Другие говорят, что много ольхи. Но нет, здесь не тот смысл заключен. Здесь говорится об утесе, что стоит у реки. Летом около утеса много княженики растет, а весной чайки выют свои гнезда на утесе. Это уже добро людям.

Конец пути. Она остановилась как раз на том месте, где кончается мыс Ильпинка, где и до сей поры [она] живет. Если вы желаете попутешествовать по пути острова, последуйте моему совету. Найдите село Рекинники на побережье Пенжинской губы. Село это расположилось недалеко от моря, около реки Рекинники, что и послужило названием села. Затем идите по Парапольскому долу в западную сторону. Вдали увидите горы и огромный проход. Знайте, отсюда пришел остров. Ищите село Анапка, там зимой очень сильные пурги. Ищите поселок Ильпырь, там маяк светится. Знайте, это ее [острова-сестры] доска для скобления. Пойдете дальше. Пройдете две большие реки, кото-

* Альховаям – название реки образовано сложением двух основ: основа *альхо* – в алюторском языке не этимологизируется, основа *в'аям* – 'река' [Нагаяма, 2017: 54].

рые не без труда перейдете (если идете пешком, а если на лодке, можно напрямую через море). Ищите реку. Пойдете вверх по реке. Пройдете несколько метров и увидите утес. Полюбуйтесь притоками реки Альховаям и горами, что обступают его со всех сторон. Полакомитесь княженикой и пойдете дальше. До самого конца, на чем хотите. На лодке по берегу моря. Найдете разрушенные дома. Поставите палатку, а затем уж посмотрите вдаль. Вот она, [сестра-] остров, любуйтесь. Поезжайте туда, охотьтесь на кого хотите. Там все есть. Но знайте, на вершине находятся маяк и пограничная вышка. Но вы не бойтесь.

А еще говорят, она [сестра-остров] уронила табакерку возле берега. Вот она стоит возле берега. А остров называется по-русски Верхотурова, а по-корякски *Самаг'ынпынав**, что в переводе означает «остров-старуха». Вот и кончилась легенда.

*Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Марины Платоновны,
перевод с аляutorского А. И. Поповой*

22. Жадный богач (предание)

Жил один богач. Он был очень жадный. Все ему казалось мало и мало. Даже работника держал у себя одного для того, чтобы много не тратили пищу. И поэтому он держал одного работника. Работник этот жил с матерью. Были они очень бедны. Ели они всегда объедки. Но зато работали всегда за семерых. Ходили в рваных одеждах. Всегда голодали, и было [им] всегда холодно.

И вот однажды им довелось кочевать в другую сторону. Первыми ехали хозяева, за ними гнали стадо их работники, мать и сын. Едут они и вдруг видят озеро. В озере видны золотые рога. Это жук замерз в озере. А рога оказались сверху.

.....
* *Самаг'ынпынав* – название острова образовано сложением трех основ: *сама* – ‘остров’ [Кибрик и др. 2000: с. 383], – *ынпы* – ‘старый’ [Там же: с. 308], – *нав* – ‘женщина’ [Там же: с. 363].

Богач увидел эти рога. И сразу его жадность [над ним] верх взяла. Он взял пилу и стал пилить эти рога. Пилил, пилил и никак не может [отпилить]. Тут жук проснулся и думает: «Что же там наверху с моими рогами делается?» Как шевельнулся он. Тут озеро как всколыхнется. Лед треснул. Жадный богач в этом озере со своим жадным семейством потонули. А их работники стояли в стороне от озера. Они и спаслись. У них и стадо оказалось. И половина добра хозяина. Зажили с матерью они хорошо. Теперь им не холодно и не голодно. Работник сам пасет стадо.

Вот с тех пор он и пасет.

*Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Марины Платоновны,
перевод с аляutorского А. И. Поповой*

23. Хитрость матери (предание)

Жила одна семья у верховья одной реки. Жили они бедно. Главой семьи была седая, костлявая старуха. Она была очень мудрая. А все остальные были молодые люди. Еще полные сил и жизни. У этой седой матери было 10 сыновей. Все они были горячи, смелы и красивы. Сыновья были дружные, любили свою старую мать, оберегали ее.

Однажды в один ясный день сторожевой сообщил: «К стоянке племени подходят враги». Люди собрались, стали обсуждать сложившееся положение. Оружия не было, чтобы защищаться. Где достать [оружие], они не знали. Но тут выступила вперед седая мать и сказала:

– Родные мои, я знаю, что нам делать. Заверните меня в кухлянку старую, но сначала обмахните меня подкисленной икрой и подвесьте над огнем. А сами, если сможете, убегайте к ближайшему лесу, – так сказала седая мать своим сородичам.

Люди, давно знавшие мудрость этой женщины, сразу приступили к делу. Старшие братья завернули ее и подвесили над костром. Сами же ушли в ближайший лес.

В это время к стоянке приближались враги. Их насчитывалось сорок человек. Все были хорошо вооружены. Воору-

жение состояло из кухлянки из моржовой кожи, лука, колчана со стрелами, копья. Вот чем были вооружены люди тех времен.

Продвигались бесшумно, скрываясь в кустах. Вот они образовали круговую оборону. Окружили юрту. Но когда заглянул внутрь главный воин, там ничего не было. Все обрадовались, побросали свое снаряжение, кто где. И принялись раздувать огонь, чтобы поест.

А бабка все висит над очагом. Наконец раздули огонь, все воины уселись возле огня и ждут, когда что-нибудь сготовится. Тут кухлянка от сального костра скукожилась и порвалась. Бабка вывалилась из кухлянки, черная, облепленная шерстью, и давай нападать на врагов. А те, как увидели такое чудовище, разбежались в разные стороны, крича:

– Черт, черт!

Побросали все свое снаряжение, которое потом досталось бабкиным сыновьям.

*Записано А. И. Поповой со слов мамы,
Тайя Марии Платоновны,
перевод с аляutorского А. И. Поповой*

23. Знакомство с чаем

(предание)

А вот что рассказывали люди о своих предках, которые впервые увидели чай, хлеб, сахар. Вот как они пользовались чаем в первый раз.

Привезли чай. Все удивляются. Поставили котел и положили туда весь кирпич заварки. После долгого кипения варево разлили и начали лакомиться заваркой. И все говорят:

– Акко*! Горький!

А вот когда узнали, наконец, как пользоваться чаем, один предложил:

– Давайте заварим реку: бери воду [из реки] и [сразу] пей чай.

Самозапись А. И. Поповой.

.....
* Акко! – «междометие, выражающее удивление, иногда с оттенком разочарования; соответствует русским междометиям ого! эх!» [Стебницкий, 1936: с. 9].

24. Чукчи

Когда-то здесь кочевали чукчи. Жили тогда они по племенам. И вот жили два племени по соседству. Вечером всегда старшина одного племени говорил:

– Вечером не шумите слишком, лучше сядьте и щелкайте семечки. Это будет лучше: если придут кочевники и услышат щелк, то подумают, что это место давно оставлено, даже уже течет, [вода капает].

Так он поучал своих.

А в другом племени, как вечер наступит, сразу начинают играть, веселиться.

И вот однажды случилось вот что. Ночью, пробираясь через заросли кустарников, к ним бесшумно шли кочевники. Они подошли к тому дому, где жил умный старик. Там было тихо, только слышно, как капает: кап-кап-кап. Сверху кто-то сказал:

– Здесь никого нет, наверно, давно оставили этот дом. Пойдем дальше».

Они ушли, а те, что были только что оставлены кочевниками, собрали все свои вещи и ушли подальше от этого места.

А тех, которые вечером веселились, всех разорили и их богатство забрали. Вот какие хитрости бывали иногда в племенах чукчей.

Самозапись А. И. Поповой

25. Бобыль и его жена-черт

Жил бобыль в избушке своей, охотился, ловил рыбу. Жил один, да еще собачки были. Всю жизнь прожил бы один, если бы не его жена-черт. Не удивляйтесь, что это настоящий черт. Этот черт какой-то особенный. И днем, и ночью не видно. Как невидимка. Так вот от одиночества он решил жениться на черте. И женился. Вскоре появился даже ребенок у них. Черт варит, стирает, в общем, все обязанности хозяйки перешли в ее руки. Бобыль разговаривает со своей женой-чертом. Он еще видит и маленького мальчика.

Однажды к нему приехали какие-то охотники. Была сильная пурга, и они заблудились. Случайно нашли это жилье и вошли. Хозяйка стала хлопотать возле гостей. Гости очень удивились, как это вдруг у них сами вещи улетают, развешиваются у печки. Хозяин удивившимся гостям объясняет, в чем дело, что хозяйничает женщина-черт, его жена. Гости еще больше удивились. Потом они сели за стол и стали есть. Хозяин говорит:

– Моя жена вам улыбается и говорит: «Кушайте».

Гости никого не увидели ни хозяйки, ни их сына. И очень удивились. Вскоре пурга закончилась, и гости стали собираться домой. Хозяин опять говорит:

– Моя жена вам говорит: «До свидания».

Те тоже сказали «до свидания» и уехали. Вскоре кто-то сказал, что Бобыль умер и больше ничего никто не знал, как живет жена бобыля.

Вот и весь сказ.

Самозапись А. И. Поповой

АВТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО А. И. ПОПОВОЙ

Рассказы

1. Убийство ястреба

(да, это было)

День был чудесный. Был разгар лета. Мы только что Душли от нашего бивака*. Там остался один старик да в стаде бригадир. А мы, человека четыре, шли на рыбалку. Цель нашего похода была такова: сходить на рыбалку, взять немного рыбы и вернуться назад к вечеру.

Дорога наша проходит по болотам. Пройти трудно. Все время вязнем в болоте. Я с товарищем ушел вперед. А двое отстали, они были с лошадей. Выходим. Над нами кружат какие-то мухи, не то комары, не то еще какие-то там блошки. Здесь как-то серо, цветов не видать, зато трав сочных сколько угодно. И поэтому-то сюда всегда загоняют стадо. А сегодня мы шли через эти болота, пробирались к тропе. Вот и стали появляться сухие островки. Я взбираюсь на один из них и весело машу рукой, подзывая товарища скорее отдохнуть.

Вот и он устало опустился рядом со мной на траву. Сапоги у него все в глине. Трава мокрая прилипла к одежде. Я самый молодой из всех троих, и поэтому легко переносу тяжести пути.

* Бивак – 'становище, стан, табор' [Даль 1998: с. 86]

Нужно торопиться. Немного отдохнув, мы вновь двинулись дальше. Ну, вот и конец болота. Я бросаюсь на траву и счастливо смеюсь. Мне весело от того, что вокруг все хорошо. И лес, и цветы, и зеленая трава. Быстро стаскиваю с себя сапоги, портянки стелю на траве. Нужно ждать двоих товарищей. Пока мы ждем их, хочется куда-то сходить. Босиком иду к прошлогоднему лугу. Хочется поглядеть, есть ли там и сейчас дикий лук.

Дядя Саша (так звали моего товарища) тоже, не удержавшись, пошел побродить. Я в это время стал собирать лук. Хочется уху на рыбалке поесть с луком.

А вокруг кипела жизнь. Солнце светило ярче обычного. Пестрело от цветов. Красота. Никогда я не чувствовал такой прилив сил, как сейчас. Природа пела и смеялась. И вместе с ней и я пел, кувыркался. Мне было хорошо.

Неожиданно слышу: что-то промчалось над головой. И тут же раздался щелк. Я поднял голову и увидел падающую птицу. Все свершилось мгновенно. Я не успел оглянуться, как ястреб уже продолжал свой плавный полет. Казалось, он торжествовал. Я глянул вниз и обмер. Там трепетал белый комочек. Я быстро подбежал. Это была куропатка.

Раны нигде не видать, но с клюва сочилась кровь. Из груди раздавался храп. Должно быть, горло заполнено кровью. Я взял ее на руки. Тут она подняла свою голову и обвела своими глазами вокруг себя. Казалось, она прощается со всем светом, самым родным, что было на свете, в тундре. Затем вздохнула последний раз и уронила голову на мои руки. Опустив голову, я ее положил на землю. Стал рыть могилу. Собрал зеленую молодую траву и завернул в нее куропатку. Похоронил. Пусть она погибла. Пусть. Но я человек. Человеком и буду, напишу обо всем. Всю дорогу до рыбалки я думал о куропатке.

2. На краю смерти

(рассказ дяди Егора)

Это было во время войны. Меня с семьей отправили на остров. Я должен охотиться на острове.

Немного слов об этом острове. Этот остров священный. Люди с давних времен считали ее [женщину-остров] своей

покровительницей, если у людей случалось несчастье, или ее просили о хорошей погоде. Они убивали для острова, стоящего одиноко вдали, жертву или оставляли что-нибудь из вещей. Этот остров также является природным явлением. Если наблюдательный человек заметит белую шапку облаков на этом острове, значит, будет плохая погода. Но люди, чтившие эту землю священную, считают, что она предупреждает их. Итак, я отвлекся от разговора.

Охотились на этом острове много. Ну, на кого мы охотились. Большинство охотились на тюленей, нерпушек и разных млекопитающих. Также мы занимались сбором яиц. Их мы тоже сдавали государству. И вот мне довелось однажды доставать яички. Скалы на острове крутые. И вот на этих скалах и находились яички. Перед спуском я поставил колышки. И довольно глубоко, чтобы не сорваться. Завязал себя за пояс и руку одну тоже [обвязал]. И вот я стал спускаться. Если посмотришь вниз, то море, то есть волны, покажутся слишком малыми. И человек-то со стороны покажется букашкой. Так велики были скалы острова.

Вдруг неожиданно над головой сорвались камни. Они падали лавиной на меня. Я думал: «Все, сейчас вместе с камнями полечу вниз». Я как можно плотнее прижался к скале. Это была секунда. Одна, а может, две. Один камень попал мне в голову. Вернее сказать, в затылок. Я услышал только свист и больше ничего. Я повис над морем, как труп, который повесили. Не знаю, сколько времени я висел. Должно быть, я очухался. Но, очнувшись, я ничего не чувствовал. Голова казалась ватной. Кровь стучала, пот ручьями лил с затылка. Рот и нос заполнены кровью.

Меня заметили. Их было двое. Один был около меня. Он обвязывал мне руки и тело, чтобы я не сорвался. И двойную веревку привязал. Тут у меня опять пошли круги перед глазами. И я потерял сознание. Очнувшись опять. Меня уже тянули вверх. Вот я уже на вершине. Тут у меня действительно заболела голова. Если бы меня били по голове, то я сказал бы, это мало. Болела голова настолько, что даже начинало казаться, что болит все тело.

Близко были женщины. Они искали корни. Поблизости была женщина с мальчиком. Они [мужчины] их позвали, чтоб

посидеть около меня. А сами ушли звать мою жену. Я лежал на спине. Повернувшись в сторону, я стал смотреть на мальчика, который играл недалеко от меня. Вдруг стало темнеть. Перед глазами поплыли зеленые круги, и я потерял сознание. Очнулся я и вижу людей, стоящих около меня. Еле как добрался домой. Тело и ноги дрожали. Хорошо, что были лекарства. Через десять дней я уже ходил здоровый. Рана зажила, и дело с концом. После такого случая мне не разрешили больше ходить за яичками. Вот как было дело. Смерть к людям приходит неожиданно. Но уже я был крещеный смертью.

*Записала рассказ дяди Егора Хытыгиргина,
уроженца села Анапка Карагинского района,
в 1969 году*

3. Лето

(зарисовка)

Лето... На Камчатке лето короткое. Кто не знает, как проходит лето на Камчатке, тот, значит, несчастлив. Удивительна красота тундры! Когда поднимаешься на самую высокую гору, ты видишь все. Недаром мой отец любил по горам ходить. Это привил и мне. Часто посылал меня на ту или иную гору сходить.

Я хочу, как отец, все видеть и все подмечать. Вон там кто-то прошел, давно или недавно. Если бы у меня зрение было хорошее... За плечами бинокль, в руках посох. А вокруг природа дышит, тундра живет. Вот кто-то свистнул. Так пронзительно, что даже вздрагиваю. Смотрю вокруг, кто это мог нарушить тишину гор? Нигде не видно. Должно быть, какой-то зверек. Смотрю до тех пор, пока не замечаю зверька. Желто-черный. Это он свистнул. Ах, ты, тундровик, решил меня спугнуть. Давнишний мой знакомый, потому что я здесь частый гость.

4. Горы

(воспоминание)

Меня всегда привлекают горы. Почему, не знаю. Может, оттого что я родилась именно около гор. Или, может, отто-

го, что первое понятие, осознанное мной – горы. Гор было у нас около землянки у реки великое множество. Горы были и на севере, и на востоке, и на западе. На юге был холм. Но все равно в детстве я считала, что это гора. Отец уходил на охоту в горы. И всегда возвращался с добычей. Я помню, как однажды принесли серого волка. Над ним что-то делали. А я глядела на волка, и мне не было страшно. Помню еще, приносили лису и какого-то белого зверька. Когда отец с матерью, веселые, снимали шкуру, я сидела возле них. И когда последнюю сняли (это был хвост), отец с матерью весело смеялись, даже было непонятно, почему они веселые. А когда снимали шкурку белого зверька, все зажимали носы, а я нет. Я, наоборот, еще ближе подхожу. Этот зверек сильно пах каким-то противным запахом.

А горы жили своей жизнью. Весной первые начинают чернеть, только оттаивают. Летом цветут. А какие цветы там! И голубенькие. И красненькие. И желтые. И всякие, всякие еще цветы. Осенью над ними стоит туман. И поливает их дождь. А зимой злая пурга стоит над ними. А весной опять оттаивают. Летом цветут. И на всех тех горах побывала я. Все посмотрела. Один раз за оленями шла. Один раз в разведку. И много-много других нужд заставляли меня преодолеть эти высокие горы. Может, горы оттого меня привлекают, что с их вершины все видно вокруг. И ветер там холодный и резкий и какой-то красивый. Эти горы, виднеющиеся вдали, так заманчивы.

Где бы ни были эти суровые камчатские горы, я вас не забуду никогда. Вы научили меня быть внимательной и ловкой. Вы научили меня уважать тундру. Когда поднимаюсь на самый верх, я люблю тундрой. Какая красота! А некоторые [горы] тебя проклинаят, потому что тебя не знают. До чего хороши камчатские горы. Это суровые, нелюдимые горы. А приглядишься получше, как бы в самое сердце заглянешь, и ты поймешь их, полюбишь их, как никогда еще не любил.

Б. Бесстрашный Аядыг*

*Жил бесстрашный Аядыг.
Был силен он и красив.
Самым младшим братом был,
Ловок и хитер он был.*

В этом стихе рассказывается о младшем брате Аядыг. Во всем племени было 20 братьев и одна сестра. Братья только что похоронили своих родителей: мать и отца. Стали жить они со своей единственной сестрой, которую все братья любили, и в обиду никому не давали.

С утра братья кто табун пасет, кто в хозяйстве работает, кто еще куда. А сестрица по хозяйству была. Варила, скоблила шкуры. А племя было непобедимое. Только можно хитростью их победить. И вот однажды девушка пошла за водой. Она была очень красивая. Когда она набирала воду, то неожиданно бурдюк упал в воду. Она стала его ловить. К счастью, какой-то юноша поймал и подал ей. Она его первый раз видела и, конечно, они полюбили друг друга. Вскоре девушка стала думать, что нет милее этого парня. Он был из другого племени. Это племя враждовало с ее братьями. Но девушка и парень из-за любви позабыли, что они враги.

Однажды парень предложил вот что: «Когда ночь наступит, ты проберешься к братьям и осторожно, чтобы братья не заметили, ножом обрежешь с их луков тетиву, чтобы, если потянуть, сразу лопалась тетива. Когда мы победим, мы тогда можем с тобой жить вместе, и никто не сможет нам мешать». Девушка согласилась на такую провокацию.

Когда наступила ночь, она прокралась к братьям, все сделала, как объяснял парень. И пошла спать.

Утром, когда еще только забрезжил рассвет, на них напали кочевники. Братья выскочили, схватили луки и колчаны, стали обороняться. Но как только натягивали стрелы, то сразу лопалась тетива. Но тут-то рассказывается про младшего брата, Аядыга. Один за одним падали братья, сраженные неприятельскими стрелами. Аядыг, сообразив, [заподозрев]

* Имя Аядыг не встречается в корякском фольклоре.

измену сестры, повалился как подкошенный около юрты. В этом бою много погибли людей с Аядыгиного племени. Он остался один среди врагов.

Когда все было покончено, все [враги] стали проверять все ли мертвы [братья]. Сестра сама шла с ними. Когда очередь дошла до Аядыга, сестра предложила вот что: «Отрежьте ему нижнюю губу, посмотрим, мертв ли он». Про себя он проклинал свою сестру и вскорости желал отомстить. Парень сперва запротестовал, но девушка настояла на своем, и он согласился. Отрезал он губу, Аядыг не подал виду, даже не шевельнулся. Парень сказал: «Видишь, мертвый, а ты напрасно тревожилась». Кочевники собрали все, что было у них [у братьев]. А Аядыг посмотрел, как сестра поехала вместе с ними. Он разразился гневом.

Когда выздоровела у него губа, стал собирать он, как бы говоря, народную армию. Здесь были и чукчи, коряки, ламуты и всякие еще люди. Когда было все готово, они неожиданно напали на тех кочевников, что когда-то разорили их. Когда все было закончено, он взял сестру за руку и повел к кочкам, при этом поймал двух диких оленей. Он сделал разрез между костью и жилами на ноге сестры и привязал к оленям обе ноги. Девушка просила Аядыга пощадить [ее], но брат был непреклонен. Он говорил: «Хоть ты моя сестра, но за такое дело не пощажу». И пустил оленей по кочкам. Так бесстрашный Аядыг расплатился за своих братьев. Отомстил своей сестре за провокацию, за измену.

Вот какие рассказы выходят из уст старых людей, которые видели много в своей жизни. Может быть это и правда, может и нет, просто придумали, может.

6. Переход без жертв

Так мы называли один переход, по которому мы перешли с Машей Такраняут*. Разные страсти подстерегают тебя на каждом шагу, когда переходишь реки в тундре. Дело было

* Такраньяв'ыт – Мария Николаевна Аммик, 1954 г. р., уроженка с. Вывенка Алюторского р-на Камчатского края. Такраньяв'ыт – алюторское женское имя, образованное сложением двух основ: такран – основа глагола такратыткын 'спускаться', ср. в кор. яз: тэкъетык – 'спуститься, спускаться' [Молл 1960: с. 96]. Вторая основа – яв – 'женщина' [Кибрик и др. 2000: с. 363]. Такраньяв'ыт – букв. 'спускающаяся женщина'.

вот как. Шла кучка людей, переходили речку. [Мы] с Машей возвращались на очередные каникулы домой. Так вот, мы переходили реку, глубоко, [вода] достает до груди, кто низкий. А всем нам, [детям] – тоже до груди. Взрослые переходили чуть выше, а мы с Машей чуть ниже их. Я первая перешла речку, а она вторая.

Так вот она стала переходить. Смеется и переходит. А от смеха ноги начинают трястись, и поэтому легко можешь упасть. Так оно и случилось. Дошла до середины и упала в воду. Я скорее на помощь, барахтались обе в воде, и, наконец, я ее вытащила. Одна сторона у нее вся мокрая. Маша мне потом говорит: она думала, что обе могли утонуть. Я засмеялась и сказала, что все равно обе не утонули. Вышли, стали выжимать [одежду], что можно было. Так вот переход был без жертв. Я ей предложила когда-нибудь написать. Вот и написала. Это была сушая правда.

7. Одна история

Шел один человек с того [места] в свой совхоз. Видно, к своей жене, или послали [по делу] его. В общем, неизвестно, зачем шел он в совхоз. По дороге неожиданно у него живот что-то заболел. И прежде, чем спустить штаны, развел дымокур, потому что было много комаров. Так и оставил он дымокур непотушенный. Через некоторое время он оглянулся и увидел того, чего не ожидал. А увидел он пожар. И мгновенно человек побежал тушить пожар. Пожар был потушен. Эта [история] говорит о том, что надо быть бдительным и осторожным.

8. Однажды с охоты

Однажды с охоты вернулся из лесу. Гляжу – мне навстречу бежит бурый лохматый медведь. Не описать и себя, как я испугался, увидя бурого лохматого медведя. Как я носился, как я пустился наутек, как пятки засверкали – вот как я испугался.

9. Про то, как я испугался не медведя, а комаров

Однажды я шел леском и повстречал медведя. Была ранняя осень. Смотрю: медведь идет навстречу, прямо ко мне. Я тоже иду прямо к нему, может, к ней [медведице]. Я, значит, иду, иду, и медведь идет, идет. Наконец, встретились. Медведь как пробасит:

– Мэй!*

Я тоже говорю:

– Здравствуй, куда, медведушка, идешь?

Медведь в ответ:

– К тебе ночью приду и съем все, что [ты] на зиму приготовил.

[Я] пришел домой, вмиг в постель [лег] и заснул. Ночью вдруг собаки такую суматоху подняли, что даже я проснулся от богатырского сна. Взглянул – так и обмер. Медведушка мой лезет в юкельник. Я так и выскочил нагишом. Побежал к медведю прямо. А комары на меня налетели, их была уйма, не сосчитать. Бегу, значит, – комары за мной как угорелые. Не бегу, а лечу. Лечу я, значит, и прямо в медведушку – бац. Прямо в шерсть угодил. Медведь испугался меня и деру дал. Я домой побежал, аж пятки засверкали. А знаете, как [я тогда] испугался не медведя, а комаров.

10. [Без названия]

Один молодой человек рассказывает старому человеку. Молодой человек:

– Когда я приехал в совхоз, я сильно обругал председателя.

Старый человек:

– А что ты ему сказал?

– Я ему сказал, почему ты долго не приезжал?

– Только и всего?

– Пока все, – ответил молодой человек.

– А ты говорил, что сильно обругал председателя.

.....
* Мэй! – 'здравствуй' [Кибрик и др. 2000: с. 351].

СТИХИ

Солнце на 1 сентября

Сегодня на 1 сентября
 Нам природа подарила солнце.
 Светит нам солнышко всегда,
 Чтобы детям было хорошо
 Идти в просторный первый класс.
 Подарю учителю цветы,
 Зайду в просторный класс,
 В книге первую открою страницу,
 Прочту слова.

* * *

Дождь осенний стучит в окно,
 Дождь холодный
 К нам в октябрь приходит.
 Березы там жалобно стонут,
 Трава почернела в лугах.

К***

1

Писать ли мне поэму о тебе,
 Но не от скуки по тебе,

А просто посвятить тебе.
 Когда ты будешь в настроении,
 Загляни сюда в листок,
 Прочтешь ты строки эти
 И вспомнишь все тогда:
 И детства школьные года,
 И юность радостную свою.
 Когда начнешь читать,
 Ты вспомнишь всех, с кем ты жила,
 Всю жизнь свою припомнишь.
 И будет все тебе понятно,
 О чем я здесь пишу в поэме.

2

Я помню день, когда пришла ты
 К нам домой,
 И в первый раз увидела тебя.
 Но я тебя не знала
 И даже думать не могла,
 Что ты на свете есть.
 Вечерний час был, и ты пришла,
 Тебе на шею бросились малыши.
 И только я стояла в стороне,
 Смотрела на незнакомую девочку.
 И больше я не видела тебя.
 Пропала, словно дым в лесу.
 И я не сожалела, что видела тебя.
 Это было просто видение наяву.

3

И вот прошли опять года,
 Я училась где-то.
 Я по-настоящему поняла тебя тогда, —
 Я жила с тобой всегда,
 Везде, куда я не пойду,
 Я помню дни, когда была с тобой.
 И эти дни для меня, как сказка.
 Я клялась в дружбе в уме,

Но из уст моих не выходило ничего.
 Но я сорвалась и жила.
 Я помню день весенний,
 Когда ты в комнате одна
 Скучала по солнцу ясному.
 Только ты в окно глядела,
 Как все ребята выучат уроки,
 Бегут на улицу играть.
 А вечером гуляют парочки,
 Ясно влюбленные встречаются.
 А ты болела и лежала.
 А утром я к тебе приду,
 Вымою полы, потом поесть
 И посижу, поговорю с тобой.

4

И вот прошли пять лет,
 И вот прошли опять года,
 Играли и смеялись.
 Но были дни, когда печальная сидела.
 Но ничего, это все пройдет.
 Я смотрел на тебя.
 О, как прекрасная царевна,
 Поешь ты, поешь ты, соловей
 Средь неба ясного.
 Твой смех веселый раздавался.
 Везде, куда я не пойду,
 Я была, горела перед тобой.

Стихи о первой весне

Никогда не забуду я
 Тихий шелест листвы
 И березу кудрявую,
 И этот голос птиц,
 Что слышен по утрам в лесу.
 Когда присядешь, усталый, в лесу,

Ты сядешь у костра,
 Приляжешь отдохнуть,
 Посмотри на небо,
 На небо синее.
 А звезды золотистые,
 Как будто что рассыпало их.
 Люблю я небо синее со звездами.
 Люблю я лес, когда там птицы песни поют.
 И люблю мне тогда сидеть в тиши
 И слушать песни соловьиные.
 Люблю весну,
 Когда приходит к нам
 Со всеми песнями своими,
 Со всеми запахами цветов,
 Люблю ольху, когда сережки расправит.
 И люблю мне тогда сидеть в траве
 И нюхать первые цветы весны,
 Слышать гомон птиц
 И смотреть на небо голубое.

Стих о березе, что в лесу стоит

Люблю я эту березу, что в лесу стоит
 И головой кудрявой машет всем,
 Кто идет по тропинке лесной.
 И я побывал там однажды.
 Был долгий мучительный путь.
 И шел я домой по тропинке,
 Ночуя в лесу в шалаше,
 Ночью костер зажигал,
 И песни пел, сидя у костра,
 Чтобы страха не видать,
 Зверей не бояться.
 И вот я тропинкой лесною
 Домой по тропинке иду,
 Веселую песню пою
 Про нашего брата,

Что летом пасет оленей.
 Увидел березу,
 Прилег отдохнуть,
 Слушал: пой.
 Птица присела на ветке
 И песню спела,
 Что дух захватил.
 Слушал, как листья шуршали,
 И сразу усталость куда-то пропала.
 Быть может, березка угнала.
 Попростившись с березой,
 Пошел я дорогой своей.
 Дошел я до дому и всем рассказал
 Про эту березу, что в лесу стоит.
 Люблю я березу лесную.

Дождь

Дождь опять идет,
 Небо хмурится.
 Куда птицы делись,
 Птицы певчие, как соловьи.
 Куда ты, солнышко, девалось,
 Может, за тучки спряталось?
 Где же ты, солнышко,
 Загляни на минуточку.
 Улыбнись нам всем, веселое,
 Солнце, ясное, задорное.
 Что вы птицы пригорюнились?
 Или вам дождь не нравится?
 Что ж вы, что ж вы песни заливные
 Не поете целый день?
 Что даже всяк прохожий
 Вас заслушается.
 Что ты, друг мой, и ты приуныл?
 Или дождь тебе испортил настроение?
 Ах ты, друг мой, ты не понимаешь,
 Что для пастуха это хорошо.
 Ничего, что ты намокнешь.
 Но даже оленям хорошо –
 Овод не кусает.
 Они зарылись в тепленькой траве,
 Как подслеповатые кроты.
 Оленям хорошо в ненастную погоду,
 Едят спокойно,
 Никто им не мешает:
 Ни овод, что боится холода.
 Ну и пастуху идти с оленями,
 Хоть дождь идет, все равно.
 Идешь за ними и следишь.
 И хозяйка спокойно живет,
 И варит, и шьет,
 Чтобы вовремя чай был приготовлен,
 Чтобы пастух пришел с дневного,

Чай попил, опять назад.
 Встает хозяйка, когда заря чуть заалеет,
 Костер разводит, варит, кипятит.
 Бывает, и в дождь кочуем.
 Намокнешь сильно,
 Разводи большой костер, сушить.
 Полезен дождь для пастуха.
 Ненастная погода.
 А дождь идет, идет.
 И нет ему конца и края.

Ночной костер

Дрова потрескивают в костре,
 А ты смотришь на костер
 И думки думаешь свои.
 Костер так ярко загорел,
 Что стало видно все вокруг.
 Так тихо, что слышно все вокруг
 Да слышен треск костра.
 Ты притаилась и смотришь.

Вот на минутку оторвись от дум,
 Послушай ты ночные крики.
 Вот где-то закричала птичка,
 За нею откликнулись все:
 Сова тут прокричала,
 За ней мышонок пропищал.
 Возможно, тут сова во всем и виновата.
 Чу! И комары не спят.
 Кто-то вздохнул у ног моих.
 Это же пес, мой друг, верный друг!
 Костер пылает ярко.
 Я вспомнила,
 Меня спросил кто-то:
 «Там вдруг так воздух чист, прозрачен,
 Пейзаж красив –
 Вокруг горы, сопки.

Не правда ли, красиво?»
 Усмехнувшись, я сказала: «Да».
 А костер все горит и горит,
 Потрескивают дрова.
 А думы мои плывут и плывут.
 Тут я замечаю маленькое пятно зари –
 Опять мне в путь и новые заботы.
 Читать, писать, учиться мыслить.

Сведения о фольклорных текстах

Тексты 1, 2, 3, 4, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26 представляют собой самозаписи Анны Ивановны Поповой (дев. Клюк, алюторское имя *Клук*), 1953 г. р., уроженки поселения Уйв'ынв'аям Пенжинского р-на Камчатского края. Тексты записаны по-русски.

Тексты 5, 6, 7, 9, 10, 16, 21, 22, 23 записаны А. И. Поповой в с. Вывенка Олюторского р-на Камчатского края со слов ее мамы, Тайя Марии Платоновны (дев. Тайя, алюторское имя Тайя), 1924 г. р., уроженки с. Рекинники Карагинского р-на Камчатского края. Перевод с алюторского А. И. Поповой.

Литература

Даль 1998, т. 1. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.:

Русский язык, 1998. Т. 1 (А-З). 699 с.

Даль 1998, т. 4. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.:

Русский язык, 1998. Т. 4 (Р-У). 684 с.

Жукова 1967 – Жукова А. Н. Русско-корякский словарь. М.: Сов. энцикл., 1967. 641 с.

Жукова 1972 – Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972. 322 с.

История и культура коряков 1993 – История и культура коряков / под ред. И. И. Крушанова. СПб.: Наука, 1993. 237 с.

Нагаяма 2003 – Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. Хоккайдо, 2003. 314 с.

Стебницкий 1936 – Кеккетын К. Эвныто-батрак. Рассказ / пер. с коряк. С. Н. Стебницкого.

Л.: Детиздат, 1936. 60 с. (Приложение к кн. «Евнъто val'an»).

Кибрик 2000 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие, 2000. 464 с.

Нагаяма 2017 – Нагаяма Ю., Нутаюлгин В.М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь (А-К) / ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2017. 144 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

ДЛЯ ЗАМЕТОК

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There is no handwriting or other markings on the paper.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

КАМЧАТСКИЙ ЦЕНТР
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

СКАЗКИ БАБУШКИ ТАЙЯ

*Сборник разработан в рамках программы Камчатского
центра народного творчества «Земля моих предков»
Автор программы – О. В. Мурашева, заслуженный работник
культуры РФ, директор КГБУ КЦНТ*

Составитель М. Е. Беляева

Художник М. Филатова

Ответственный за выпуск Н. А. Воробьева

Консультант А. А. Сорокин

Подписано в печать 28.10.2018. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «PT Serif». Тираж 200 экз. Заказ КП00-005823.

Издательство «Камчатпресс». 683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а.

Отпечатано в «Камчатпресс». 683017,
г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а, www.kamchatpress.ru